КН 275
Герм
К 30
Каутский.
Две большие
социал-де-
мократии...
М., 1924.

Герм.

К. Каутский

НЕТ БОЛЬШЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ!

С предисловием Н. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Серия популярно-марксистская.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Адоратский, В. Научный коммунизм К. Маркса, ч. 1.—60 к.
Ауэрбах, К. Маркс и профессиональные союзы.—15 к.
Бебель, А. Будущее общество.—35 к.
Берлин, П. К. Маркс и его время.—80 к.
Бэр. К. Марс, его жизнь и учение.—30 к. (разошлась).
Бухарин, Н. Кризис капитализма и коммунистическое движение.—30 к.
Граве, Б. Теория классовой борьбы К. Маркса. С пред. В. Адоратского.—60 к.
Горнер, К. Социал-демократия и коммунизм.—15 к. (разошлась).
Девиль, Д. Научный социализм.—20 к.
Дикштейн. Кто чем живет.—15 к.
Иекк. Интернационал.—60 к.
Каутский, К. Карл Маркс и его историческое значение.—21 к.
„ Классовые интересы (разошлась).
„ Происхождение христианства. Новый перевод Д. Рязанова. 2 р. 10 к.
„ Республика и социализм во Франции —[illegible] разошлась).
[illegible] 35 к.

[illegible]зма).—60 к.

[illegible].—30 к.
[illegible]ения.—25 к.

—30 к.

[illegible]ТЕЛЬСТВА:

КН
9.75
К 30
Герм.

К. Каутский

НЕТ БОЛЬШЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ!

ОБЪЕДИНЕННАЯ
147058
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

С предисловием Н. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

Главлит № 13.600. Тираж 7.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь", Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Переиздаваемая нами брошюра К. Каутского написана была им в 1903 г., по поручению ЦК германской социал-демократической партии, в ответ на книжку Бюргера — наемного писаки «Центрального союза германских промышленников». В этой идейной схватке между адвокатом капитала и идеологом пролетариата первый был разбит на-голову. Бюргер пытался доказать германским рабочим при помощи подтасовки цифр и фактов, что основные экономические положения социал-демократической Эрфуртской программы давно опровергнуты жизнью. Каутский разоблачил все мошеннические проделки ученого слуги капитала, г. Бюргера и доказал, наоборот, что официальная германская статистика всецело подтверждает эти положения. На основании статистических данных он неопровержимо доказал, что мелкое производство в германской промышленности неуклонно вытесняется крупным, что в сельском хозяйстве этот экономический закон тоже проявляется, хотя и в другой форме, что там мелкое хозяйство, хотя и сохраняется, но все больше подпадает под гнетущую власть капитала, что средние классы в Германии гибнут, что заменяющее их «новое среднее сословие» объективно не заинтересовано в сохранении капиталистического способа производства, что капитализм в Германии имеет тенденцию ухудшать не только относительно, но и абсолютно положение рабочих, что он неизбежно порождал кризисы, безработицу, необеспеченность положения рабочих, распад их семьи, рост детской преступности и т. д., и т. д., что только экономическая и политическая борьба пролетариата под руководством социал-демократии ослабляла эту тенденцию,

но все же уничтожить ее не может и не сможет, пока существует капиталистический строй; что в результате всего этого классовые противоречия в Германии, как и во всем буржуазном мире, все больше и больше обостряются.

То, что Каутский писал в 1903 г. в своем ответе Бюргеру сохраняет свою ценность и в настоящее время для всего капиталистического мира — капиталистические противоречия за пределами советского оазиса не только не смягчились с тех пор, но достигли чудовищных размеров. Капитализм стал невыносимым для широких пролетарских масс. Он во всей центральной Европе уже сейчас толкает их на путь открытого восстания. Чтоб продлить свои дни, капитализм вынужден выбросить в мусорный ящик истории свои старые «нормальные» методы эксплоатации, свои старые парламентские методы управления. Чуя приближение конца, он отбросил демократическую личину и судорожно хватается за оружие.

Каутский был прав в 1903 г. Одного только он не предвидел, что, когда дело дойдет до развязки, и он, и та партия, от имени которой он выступал в своей брошюре, будут выполнять ту самую грязную работу, которую выполняли раньше господа Бюргеры, что они будут в самые критические времена усыплять рабочих и убивать в них волю к борьбе и к победе. Каутский в 1903 г. не предвидел, что, когда наступит пора последнего решительного боя и когда промышленники начнут вооружать свои фашистские банды для потопления в крови рабочих, социал-демократы будут напевать рабочим сладкие песни про прелести демократии, что они во имя этой «демократии» будут призывать пролетариат к коалиции с буржуазией и к истребительной войне с коммунистами, имеющими дерзость требовать диктатуры пролетариата.

Каутский в 1903 г. иронически озаглавил свою брошюру «Нет больше социал-демократии». (Die Vernichtung der Social-Demokratie). Теперь это не ирония; она действительно перестала существовать, как партия рабочего класса. Тем более внимательно должны теперь рабочие читать и перечитывать то, что писал Каутский в те годы, когда над ним еще веял дух Маркса.

Коммунистов упрекают, что они, как варвары, разрушают все ценности, накопленные упорной многолетней работой партии II Интернационала, и в частности, германской социал-демократии. Пусть те, которые бросают им эти упреки и у которых осталась еще искра революционной совести, перечитают теперь, что писал Каутский в первое десятилетие XX века, и они убедятся, что единственными законными наследниками старых марксистских ценностей являются теперь коммунисты, что они одни претворяют в дело те речи о борьбе за «конечную цель», которые у Каутского и иже с ним были и остались только словами.

А. Мартынов.

Декабрь 1923 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемая читателю в русском переводе брошюра принадлежит перу одного из самых выдающихся представителей германской социал-демократии [1]). Автору этой брошюры удалось дать гораздо больше, чем можно было ожидать, судя по взятой им теме. Вместо простого опровержения лживых утверждений недобросовестного прислужника фабрикантов, г-на Бюргера, мы имеем замечательно ясное и общедоступное изложение самых коренных вопросов рабочего движения не только в Германии, но и во всем мире. Упадок мелкого производства, обнищание народа происходит повсюду. Буржуазные политики и ученые всех стран из кожи лезут, подобно г-ну Бюргеру, стремясь затушевать эти явления. Систематический разбор обычных доводов таких господ приобретает, поэтому, чрезвычайно большое значение.

Автор брошюры имеет дело почти исключительно с немецкими данными. Было бы желательно по некоторым вопросам дополнить эти данные соответствующими русскими. Такая попытка и будет, вероятно, сделана издателями брошюры, если последняя найдет себе то широкое распространение, которого она вполне заслуживает. Надо заметить только, что промышленная и сельскохозяйственная статистика России, по сравнению с германской, находится в самом жалком положении. Относительно Германии есть возможность сравнивать данные двух промышленных и сельско-

[1]) В Германии эта брошюра появилась без обозначения имени ее автора. Но, основываясь на литературных указаниях, мы считаем возможным назвать его.

Ред.

хозяйственных переписей, произведенных в разные промежутки времени по всей стране. В России не было ни одной такой переписи, и кроме земской статистики, исследовавшей по-европейски небольшие отдельные уголки народного хозяйства, у нас имеется лишь лживая, неряшливая, канцелярски-путанная статистика разных «ведомств», скорее заслуживающая названия полицейской отписки.

Российская бюрократия мешает русскому народу узнать всю правду о его положении. Но всякий образованный русский читатель легко припомнит сотни и тысячи примеров из нашей литературы о положении крестьянского хозяйства, о кустарных промыслах, о фабричном быте, подтверждающих всецело выводы, к которым приходит автор брошюры. Всякий русский рабочий и крестьянин легко заметит, что обнищание народа, описываемое в брошюре, происходит в России в еще более широких размерах, в еще более остром виде, в еще более грубых формах.

Н. Ленин.

Март 1906 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Неудержимый рост социал-демократии приводит ее противников к самым странным идеям и поступкам. Они никак не хотят и не могут допустить, что движение, непрерывно и быстро растущее в течение последних 40 лет, неизбежно коренится в глубине самих общественных отношений,—потому что этим признанием они произносят над собою смертный приговор. Чтобы покончить с социал-демократией, они прибегают к всевозможнейшим приемам, но так как ничто не помогает, они быстро теряют равновесие и без толку бросаются от одного средства к другому.

Когда социал-демократия только еще выступала на общественную арену, Бисмарк пытался съэксплотировать ее в своих целях и подчинить ее себе. Потерпевши на этом неудачу, он решил насильственными мерами подавить эту неудобную для него партию. После того, как ему не удалось ничего добиться в этом направлении на почве общего права, он ухватился за исключительные законы. Но все это ни к чему не привело. Социал-демократия росла неудержимо. Бисмарк потерял, наконец, всякую возможность победить противника; тогда он повел свою политику в новом направлении, надеясь лаской и уговорами усыпить и отвлечь оппозиционно настроенные рабочие массы от их великих социалистических целей.

Конечно, это вовсе не значит, что правительство совершенно отказалось от насильственных подавлений рабочей массы: его прокуроры и полицейские попрежнему ставят

рабочему движению все те препятствия, какие только возможны на почве общего права. Но центр тяжести переносится теперь на борьбу с социал-демократией «духовным оружием»,—т.-е. пытаются убедить рабочих, что у них налицо все данные для того, чтобы быть довольными, и что утверждения социал-демократии находятся в противоречии с научно установленными фактами.

Число книг и статей, посвященных этой задаче, бесконечно, и потому совершенно невозможно ответить на каждую из них в отдельности,—но в этом и нет надобности, так как все они в сильной степени похожи одна на другую. Достаточно внимательно рассмотреть хотя бы один такой экземпляр, чтобы определить характер всей литературы этого рода.—Одна из самых последних статей, ставящая себе задачей уничтожить социал-демократию, озаглавлена:

„Социальная действительность и социал-демократическое учение".

Книжка для мыслящих людей и в особенности для мыслящих рабочих. Г. Бюргер.

Книжка эта появилась весной 1902 года, и в одном из позднейших изданий автор хвастливо заявляет, что ее подверг своей критике «Vorwärts», не сделав, однако, даже попытки опровергнуть хотя бы один из приведенных фактов.—Как будто это можно сделать двумя словами! Известно, ведь, один дурак в состоянии задать столько вопросов, что десять мудрецов не смогут ему ответить, а один глупец или лгун может в одной строке столько наговорить, что его не опровергнешь и на десяти страницах.

Такой труд не каждый критик возьмет на себя.

Но произведение г. Бюргера представляет квинт-эссенцию всего того, что за последние годы выдвигалось против программы социал-демократии, и озлобленные наши противники готовы видеть в нем самое сильное средство против нас.

Центральный союз германских промышленников, эта известная компания подстрекателей,—хочет даже устроить сбор денег для того, чтобы распространить брошюрку Бюргера перед ближайшими выборами в рейхстаг [1]) в восьми миллионах экземпляров. Если уже не качество, то количество вынуждает нас ближе рассмотреть это произведение.

Последнее ставит себе задачей доказать, что основания, какие выставляет программа германской социал-демократии, в качестве предпосылок для своих требований, не согласуются с фактами действительности. Дело идет о программе, принятой в 1891 году на Эрфуртском партийном съезде, вступительные абзацы которой гласят:

«Экономическое развитие буржуазного общества ведет с естественной необходимостью к гибели мелкого производства, основу которого составляет частная собственность рабочего на свои средства производства. Оно отделяет рабочего от его средств производства и превращает его в неимущего пролетария, между тем как средства производства становятся монополией относительно небольшого числа капиталистов и крупных землевладельцев.

«Рука об руку с этой монополизацией средств производства происходит вытеснение раздробленных мелких предприятий колоссальными крупными предприятиями, происходит превращение инструмента в машину, совершается гигантский рост производительности человеческого труда. Но все выгоды этого превращения монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Для пролетариата и все ниже и ниже опускающихся промежуточных слоев—мелкой буржуазии и крестьян—оно означает увеличившийся рост необеспеченности их существования, означает рост нищеты, угнетения, рабства, унижения, эксплоатации.

«Все больше и больше растет число пролетариев, все многочисленнее становится армия избыточных рабочих, все резче выступает противоположность между эксплоататорами

[1]) Имеются в виду выборы 1903 года. Ред.

и эксплоатируемыми, все ожесточеннее становится классовая борьба между буржуазией и пролетариатом,—борьба, разделяющая современное общество на два враждебных военных лагеря и являющаяся общим признаком всех промышленных стран.

«Пропасть между имущими и неимущими еще более увеличивается, благодаря коренящимся в самой сущности капиталистического способа производства кризисам, которые становятся все обширнее и опустошительнее, превращают общую необеспеченность в нормальное состояние общества и которые являются доказательством того, что производительные силы современного общества переросли его, что частная собственность на средства производства сделалась несовместимой с их целесообразным употреблением и полным развитием.

«Частная собственность на средства производства, прежде служившая средством обеспечения за производителем права собственности на его продукт, в настоящее время стала средством экспроприации крестьян, ремесленников и мелких торговцев и сделала неработающих—капиталистов и крупных землевладельцев—собственниками продуктов рабочих. Только превращение капиталистической частной собственности на средства производства—земли, рудников, угольных копей, сырья, орудий, машин, средств сообщения—в собственность общественную, и превращение товарного производства в производство социалистическое, предпринимаемое обществом для самого общества, может привести к тому, что крупное производство и непрерывно растущая производительность общественного труда превратятся для ныне эксплоатируемых классов из источника нищеты и гнета в источник высшего благоденствия и всестороннего, гармоничного совершенствования.

«Это общественное превращение означает освобождение не только пролетариата, но и всего человечества, страдающего при современном строе. Но оно может быть делом только рабочего класса, так как все другие классы, не смотря на различие их интересов, стоят на почве частной собственности на средства производства и ставят своей общей целью сохранение основ современного общества».

Г. Бюргер цитирует из этой программы абзацы 1-й, 2-й, 3-й, и начало 5-го и делает их предметом своей критики.

Два пункта особенно привлекают его внимание: падение мелкого производства и рост нищеты. Целые страницы цифр он приводит для доказательства ложности обоих этих положений. Поистине утомительная вещь разобраться в этих длинных рядах цифр. Но тот, кто решился на это, не должен жалеть труда, чтобы увидеть, какое содержание скрывается за ними.

I. Падение мелкого производства.

а) Ход развития идей социал-демократической программы.

Прежде всего г. Бюргер исследует вопрос, падает ли мелкое производство. Отнюдь не падает,—утверждает он и указывает нам на статистику производства и профессий в Германской империи, на основании данных которой он делает для промышленности следующие выводы:

„С 1882 года по 1895 г. население увеличилось всего на 13,5%. Почти вдвое сильнее общего прироста населения было увеличение числа рабочих в мелких промышленных предприятиях, и почти в пять раз возросло число рабочих в мелких предприятиях среднего размера. Как совместить все это с утверждением социал-демократической программы, будто мелкие предприятия гибнут?“

Он приходит затем к выводу, что в упомянутых мелких и средних предприятиях Германии было занято свыше семи миллионов человек.

„Но, ведь, последние должны быть подчинены господству крупного капитала, прежде чем мы созреем для прелестей так-называемого социализма. Сколько же столетий или тысячелетий может это еще продолжиться? И что за глупые люди должны быть те, кто, не взирая на вышеприведенные статистические данные, доверяется партии, программа которой никогда не осуществится“?

Но еще хуже, по мнению Бюргера, оказывается положение социал-демократии, если мы перейдем от промышленности к торговле и обращению.

«Рост средних и мелких торговых предприятий очень силен; он превышает в шесть или семь с половиною раз увеличение населения, которое, как уже упомянуто, возросло всего на 13,5%».

Сюда присоединяется еще сельское хозяйство, число предприятий которого с 1882 г. по 1894 г. возросло приблизительно на 300.000, хотя и более или менее равномерно во всех больших группах.

Не доказывают ли эти цифры со всею точностью, что «социал-демократия в настоящее время есть партия, построившая свою программу на целом ряде неверных положений»? И вот г. Бюргер заканчивает полную негодования главу вопросом: «Разве может любящий истину человек принадлежать к такой партии?»

Любовь к истине,—она-то и погубила г. Бюргера. «Истина сделает вас свободными»—с таким девизом во славу истины приступает он к своей брошюре, а ее последняя страница кипит негодованием против социал-демократии, в которой он встретил «злейшего врага истины».

Но у этой безбожной шайки есть отвратительнейшая привычка никому не верить на слово и внимательно рассматривать всякое утверждение, хотя бы оно исходило от самого пылкого проповедника истины.

Прежде, чем сделать это, мы должны выяснить, однако, что фактически утверждает программа социал-демократии. Обыкновенно партийная программа может быть истолкована очень различно, и это—тем более, чем больше она, выходя за пределы простого перечня отдельных требований, стремится научно обосновать сущность и цели партии. Ведь, программа есть не что иное, как сжатое, выраженное в немногих словах изложение содержания всей огромной научной литературы. Кто не знаком с этой литературой, тот постоянно подвергается опасности не понять и самой программы. Поэтому, на всяком, желающем дать другим ясное понятие о программе, лежит прежде всего задача самому освоиться с той литературой, на которую она опирается. Конечно, это изучение имеет для наших противников свои неудобства. Оно требует не только времени и вдумчивости, но оно, кро-

ме того, в сильной степени затрудняет возможность опровергнуть самую программу. Гораздо проще без всяких знаний изложить последнюю возможно более нелепо. Тогда опровержение рождается само собой для каждого «любящего истину» человека.

Г-н Бюргер, повидимому, думает,—или по крайней мере делает вид, что думает,—будто социал-демократия говорит: полное исчезновение мелкого производства есть предварительное условие социалистического общества; только к тому дню, когда ни в одной отрасли труда не останется больше мелких предприятий, станет возможным социалистическое общество,—но не-раньше. Поэтому-то он и указывает на $7^1/_2$ миллионов рабочих, занятых в мелких предприятиях, и на прирост их, чтобы затем сделать вывод о неосуществимости программы социал-демократии.

В действительности же ее программа вытекает из совершенно иного хода идей.

В прежние времена господствующим было мелкое производство, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Это значит, что хотя и существовали крупные предприятия, но технически они обыкновенно не превосходили предприятий мелких. Каждое мелкое предприятие охватывало почти всегда лишь рабочие силы семьи, включая сюда самое большее одного-двух учеников, подмастерьев или батраков. Каждый рабочий тогда питал надежду сделаться когда-нибудь самостоятельным обладателем своих средств производства—земли, рабочего скота, инструментов, сырого материала. Если он встречал в этом направлении какие-либо препятствия, то причина этого лежала в других обстоятельствах, а не в потребностях производства. Масса населения совершенно не была заинтересована в том, чтобы уничтожить частную собственность на средства производства, но, напротив, была заинтересована в том, чтобы превратить ее во всеобщее явление и сделать доступной для каждого. Тогда социализм—стремление к общественной собственности на средства производства и к общественному производству—никогда бы не нашел большинства среди населения и даже среди неимущих.

Но положение дел изменяется, как только на сцену вы-

ступает капиталистическое крупное производство и начинает все больше и больше оттеснять на задний план мелкое производство. Невозможно, чтобы каждый рабочий сделался собственником крупного предприятия, так как последнее требует многих рабочих. Чем больше становится господство крупного производства,—тем значительнее число рабочих, лишенных средств производства и, таким образом, вовсе незаинтересованных в частной собственности на эти средства производства. Но каждый рабочий должен стремиться к тому, чтобы стать господином своих средств производства. Если он не господин над ними, он раб их. Наемный рабочий капитала должен стремиться к тому, чтобы сломить господство над собой капиталистических средств производства. Он может этого достигнуть не тем, что станет требовать частной собственности на средства производства,—наоборот, эта частная собственность является причиной его рабства,—он достигнет этого тем, что потребует уничтожения этой частной собственности и введения собственности общественной на все крупные средства производства. И только когда все общество станет господином средств производства, наемный рабочий может, как член общества свободных и равных, избавиться от капиталистического рабства и достигнуть господства над производством. Но это может быть достигнуто не каждым рабочим порознь, а только всеми рабочими, как классом. Отсюда—сплоченность наемных рабочих в крупные организации; отсюда их стремление к демократии, ибо только в обществе свободных и равных общественная собственность становится их собственностью; отсюда—их социализм, т.-е. их стремление превратить капиталистические средства производства в общественную собственность.

Поэтому, социалистические стремления вытекают непосредственно из развития и роста крупного производства и упадка производства мелкого. Существование и усиление социал-демократии само по себе являются лучшим доказательством этого.

Но для победы социал-демократии вовсе и нет надобности в том, чтобы мелкое производство совершенно исчезло; эта победа уже сделается возможной, как скоро крупное произ-

водство настолько оттеснит на задний план мелкое, что класс наемных рабочих, лишенных частной собственности на средства производства, составит решительное большинство населения и сделается его экономически важнейшей частью. С этого момента ее победа является только вопросом силы и политической зрелости неимущих классов (пролетариата). И эта победа ни в коем случае не означает полного уничтожения мелкого производства или превращения всех мелких предприятий в государственные.

Но развитие капиталистического способа производства не только вытесняет рабочих мелких предприятий, работающих собственными средствами производства, рабочими наемными,— но оно вызывает превращения и в самом мелком производстве, делая его все более несамостоятельным, все более зависимым от капитала. С одной стороны, самостоятельный прежде мастер-ремесленник превращается в кустаря, производящего не для непосредственного потребителя-заказчика, а для купца, и в действительности становится наемным рабочим последнего; с другой стороны, мнимо самостоятельное мелкое предприятие становится лишь филиальным отделением крупного,—трактирщик становится зависимым от пивоваренного завода, мелкий торговец—от крупного купца. Многие мелкие предприятия покрыты неоплатными долгами, другие представляют из себя паразитный нарост, лишь стыдливо прикрывающий свое нищенство.

Владельцы всех этих мелких предприятий точно также теряют все больше и больше всякий интерес к частной собственности на средства производства. От общественной собственности на капиталистические средства производства они выиграют столько же и даже больше, чем наемные рабочие. Они также фактически являются пролетариями, они на самом деле не владеют своими средствами производства.

Вот, следовательно, те два пункта, благодаря которым падение мелкого производства подготовляет почву для социализма: рост пролетариата и рост тех капиталистических предприятий, которые все больше и больше стремятся тиранизировать своих рабочих и, в конце-концов, даже все общество до такой степени, что их переход в общественную собственность и пользование становится все более необходимым.

Рост этих крупных капиталистических предприятий не привлекает ни малейшего внимания со стороны господина Бюргера, хотя их величина и власть достигли таких размеров, что вызывают беспокойство даже среди буржуазных политиков и экономистов. Картели и тресты все больше становятся господами не только своих рабочих, но и всего общества,—и этот гнет даже сильнее ложится на общество, чем на рабочих, так как со стороны последних они встречают гораздо большее сопротивление.

Картели и тресты подчиняют своей власти и прямо или косвенно эксплоатируют не только самые мелкие предприятия, но также и средние и даже очень крупные. Синдикаты владельцев угольных копей и железоделательных заводов становятся в Германии господами всей промышленности, которую они сковывают и высасывают искусственно поднятыми ценами. Но совершающееся у нас является только началом того, что происходит в Америке, на которой мы теперь уже можем наблюдать картину нашего будущего.

Америка—страна гигантских трестов. Об их размерах и могуществе могут дать понятие следующие примеры, заимствованные нами из статьи профессора Томаса Вилля (напечатанной в «Humanité Nouvelle» за октябрь 1902 г.).

	Капитал в миллионах марок.
Ammalgemated Copper Co. (Медный трест)	300
Amerikan Steel aud Wire Co. (Стальной и проволочный трест)	360
Amerikan Sugar Refining Co. (Сахарный трест).	292
Continental Tabacco Co. (Табачный трест)	388
Distilling Company of America. (Спиртной трест)	318
Federal Steel Co. (Стальной трест).	512
National Tube Co. (Трубопрокатный трест)	320
Standart Oil Co. (Нефтяной трест).	390
U. S. Leather Co. (Кожевенный трест)	520
Western Union Telegraph Co. (Телеграфный трест).	450
Anthracite Cool Trust. (Угольный трест).	600
Atlantic Passenger Steamship Pool. (Трест океанских пароходов)	400
Beef Trust. (Мясной синдикат).	400
Всего 13 трестов с капиталом в . . .	5250

«По сравнению с этим гигантским накоплением могущества,—говорит Вилль,—средневековая монархия кажется карликом. Царство какого-нибудь Рокфеллера или Норвина Грина,—первых основателей американских трестов,—гораздо более блестяще и могуче, чем была империя Карла Великого. И эти первые тресты, однако, уже превзойдены новыми, еще более крупными трестами, основанными за последнее десятилетие. Наше сознание меркнет при мысли о том будущем тресте трестов, который охватит все 265 или даже больше трестов, уже образовавшихся, и тех, которые еще образуются... Как можно быть настолько оптимистом, чтобы думать, что политическая демократия и подобный ужасный промышленный деспотизм могут надолго ужиться в Америке»?

«Эта противоположность, — говорит дальше профессор Вилль, — рано или поздно должна привести к кризису, который может кончится не тем, что мы разрушим тресты и снова вернемся к мелкому производству».—Но такой кризис может окончиться только тем, что «мы уничтожим частную собственность на эти организации и превратим их из орудия наживы в орудие благосостояния целого общества».

Так под влиянием современного господства крупного производства даже буржуазные ученые приходят, хотя и нерешительно и против своей воли, к сознанию неизбежности социализма.

Картели и тресты служат самым блестящим подтверждением тех положений социал-демократической программы, которые характеризуют ход экономического развития. Нет ничего удивительного, что наш фанатик истины ничего не видит и не слышит об этих организациях, несмотря на то, что весь мир говорит и даже громко кричит о них.

б) Статистика предприятий в промышленности.

Г-н Бюргер, конечно, скажет, что это все лишь одни уловки. Он стоит, ведь, на твердой почве немецкой статистики, а последняя доказывает, что мелкое производство не только не исчезает, но увеличивается еще быстрее, чем население. И в подтверждение этого он приводит своим читателям следующую таблицу.

В отраслях труда, принадлежащих к промышленности и ремеслу, было занято рабочих:

		1882 г.	1895 г.	Прирост в течение 13 лет составляет таким образом.
В мелких предприятиях (1—5 человек)		2.457.950	3.056.300	24,3%
В средних предприятиях . . .	Меньших размеров (6—10 чел.)	500.100	833.400	66,6%
	Больших размеров (11—50 чел.). .	891.500	1.620.800	81,8%

Итак, при населении, увеличившемся лишь на 13,5%, число рабочих мелких предприятий, в сравнении с приростом населения, увеличилось вдвое, а в средних предприятиях (меньших размеров)—в пять раз.

Разве не опровергает это самым блестящим образом программу социал-демократии? На первый взгляд—бесспорно. Но если поближе рассмотреть всю эту статистику, то нам прежде всего бросится в глаза тот факт, что г. Бюргер привел не число предприятий, а лишь число рабочих, занятых в них. А дело именно в числе предприятий: социал-демократия опирается на то обстоятельство, что число мелких предприятий возрастает не так быстро, как число рабочих, — и, таким образом, для последних становится все труднее и труднее сделаться самостоятельными: — частная собственность на средства производства становится для них все более и более бесполезной.

В промышленности Германской империи (включая горное и строительное дело) насчитывалось:

	1882 г.	1895 г.	Прирост (+) Убыль (—)
Мелких предприятий (1—5 рабочих)	2.175.857	1.989.572	— 8,6%
Предприятий с 6—50 раб. . .	85.001	139.459	+ 64,1%
Предприятий с числом рабочих свыше 50	9.481	17.941	+ 89,3%

Эти числа (заимствованные из «Статистики Германской империи», том 119, стр. 43—44) говорят нам совсем другим языком, чем данные г. Бюргера. Здесь нет и речи о каком-либо приросте мелких предприятий, не говоря уже о том, что число их увеличивается быстрее роста населения, которое, к слову сказать, возросло за период с 1882 г. по 1895 г. не на 13,5%, как определяет г. Бюргер, а на 14,5%. И этому приросту населения соответствует сокращение числа мелких предприятий почти на 9% (на 186.285 предприятий). Нет никакого сомнения, что любовь г. Бюргера к истине колоссальна. Но ее, кажется, превосходит его мудрость, советующая замалчивать подобные факты,—замалчивать их тем тщательнее, чем решительнее они подтверждают то, что говорит социал-демократическая программа.

Но будем снисходительны и станем на точку зрения г. Бюргера, который, чтобы опровергнуть утверждение о падении мелкого производства, перечисляет не предприятия, а рабочих, занятых в этих предприятиях.

Рабочих, занятых в промышленности, было:

	Рабочих.		Прирост (+) Убыль (—)
	1882 г.	1895 г.	
В мелких предприят. (1—5 рабочих)	3.270.404	3.191.125	— 2,4%
В средних предприятиях (6—10 рабочих)	358.457	572.482	+ 71,5%
В средних предприятиях (11—50 рабочих)	750.671	1.329.567	
В крупных предприятиях (свыше 50 рабочих) . . .	1.554.131	2.907.329	+ 87,2%

Итак, число рабочих мелких предприятий точно также уменьшается; оно уменьшается не так быстро, как число мелких предприятий, потому что среди них существуют в свою очередь еще самые мелкие предприятия,—но все же уменьшается, в то время как число рабочих средних и крупных предприятий сильно возрастает.

Но каким же образом наш любящий истину почтенный г. Бюргер приходит к своим цифрам? Ведь, не изобрел же он их. Можно ли его в чем-либо подобном заподозрить! Он заимствовал свои цифры из той же самой статистики, откуда взяли и мы только-что приведенные данные. Но он только своеобразно «сопоставил» их.

Прежде всего он смешал в одну кучу данные промышленности и торговли, хотя дальше о торговле он говорит отдельно от промышленности, так что можно было бы подумать, что первая таблица касается только промышленности. В торговле, как это мы сейчас увидим, действительно еще до сих пор имеет место увеличение числа мелких предприя-

тий. Но этого еще вовсе не достаточно, чтобы затуманивать действительный ход развития промышленности. И если даже смешать в одну кучу промышленность и торговлю, то можно притти к выводу, что число мелких предприятий относительно,—т.-е. по сравнению с ростом населения,—падает, так как число мелких предприятий возрастает лишь на 1,8%, число рабочих, занятых в них,—на 10%, население же—на 14,5%. Но г. Бюргер знает, как себе помочь.—Среди мелких предприятий возрастает число тех, которые покрупнее, число же более мелких уменьшается. Не проще ли, таким образом, считать только первые, последние же совершенно отбросить? Число самых мелких предприятий (предприятия без двигателей) необыкновенно сильно уменьшилось—в промышленности на 13,5%. В промышленности и торговле вместе оно уменьшилось на 8,7%. Эта убыль замалчивается нашим Бюргером; он сообщает только о приросте числа рабочих в более крупных из мелких предприятий,—приросте, который действительно достигает 24,3%.

Теперь ясно, на какие фокусы приходится пускаться, чтобы доказать лживость социал-демократической программы. Наш фанатик истины совершенно прав, следовательно, когда гневно вопрошает:

«Может ли еще после этого человек, любящий истину, принадлежать к партии, которая так обращается с истиной?»

Конечно, так, как обращается с историей любимец Центрального Союза Немецких Промышленников,—социал-демократия не может обращаться.

в) Статистика предприятий в торговле и обращении.

Не расчитывая соперничать с г. Бюргером в любви к истине, мы все же постараемся заново проделать ту же самую статистическую работу.

После того, как г. Бюргер преподнес нам данные промышленности и торговли вместе, он продолжает: «Между тем в других главных отраслях труда дело обстоит для социал-демократии еще гораздо хуже, чем в промышленности и ремеслах. В германской торговле и обращении встречаются мелкие предприятия»... и т. д.,—здесь, следовательно, нам

приводят цифры, относящиеся к торговле, с таким видом, как будто эти цифры не содержатся уже в приведенных прежде таблицах. Намерение обмануть здесь ясно, как день.

Но в одном только отношении г. Бюргер исправляется: теперь он уже не утаивает, — виноваты, не забывает привести числа предприятий, так как здесь ему в этом нет надобности. Но совершенно без подвохов дело не обходится и на этот раз.

Он приводит следующую таблицу числа предприятий:

	1882 г.	1895 г.	Прирост составляет таким образом
Мелкие предприятия с 1—5 человек	246.400	451.000	83%
Средние предприятия с 6—10 человек	18.700	33.800	81%
Средние предприятия с 11—50 чел.	7.900	15.500	98%

Имперская же статистика дает следующие цифры:

	1882 г.	1895 г.	Прирост.
Мелкие предприятия с 1—5 челов.	676.238	905.453	+ 34%
Средние предприятия с 6—10 челов.	18.657	33.753	+ 86%
Средние предприятия с 11—50 челов.	7.874	15.518	
Средние предприятия свыше 50 раб.	463	959	+ 107%

Здесь сходятся между собой цифры средних предприятий, но не согласуются цифры предприятий мелких. И неудивительно, так как опять применяется тот же прием: для нашего статистика и в этом случае не существует самых мелких предприятий,—он не желает возиться с такой мелочью. Не беря в расчет этих предприятий (число их возросло лишь на 5,8%), он имеет возможность взвинтить прирост мелких предприятий в торговле с 34% до 83%. Шулер—француз в драме Лессинга «Минна фон-Барнгельм» исправляет счастье. Наш почтенный исследователь-немец исправляет экономическое развитие. Но француз, по крайней мере, не бахвалится своей честью и не кричит на весь мир о бесчестности других.

Однако, даже по данным имперской статистики прирост мелких торговых предприятий очень велик: он почти вдвое больше, чем прирост населения. Но что же это доказывает?—Крупные торговые предприятия растут еще быстрее, число их увеличивается более, чем в семь раз, по сравнению с ростом населения. Их конкуренция, следовательно, должна теснить самым жестоким образом мелкие предприятия; но так как последние, несмотря на это, растут еще быстрее, чем население, то к конкуренции, которую для них представляют крупные торговые предприятия,—товарные склады и потребительные товарищества,—присоединяется еще конкуренция между самими мелкими предприятиями. То обстоятельство, что число мелких торговых предприятий увеличивается столь быстро, не смотря на одновременный рост крупных предприятий,—является результатом именно падения мелкого производства в ремесле. Разоряющиеся ремесленники должны же где-нибудь искать себе пристанища; поскольку они не становятся наемными рабочими,—они устремляются в мелочную торговлю, которую и переполняют. Это переполнение далеко не является признаком здорового состояния мелкого производства, но представляет собой лишь следствие его упадка и причину его дальнейшего разорения. Раньше или позже должно наступить такое же уменьшение числа предприятий в торговле, какое теперь происходит уже в промышленности.

Но даже и современное нездоровое переполнение торговли избыточными мелкими предприятиями не в силах, как было

уже сказано, задержать падения мелкого производства в целом. Если мы сложим вместе данные промышленности торговли и обращения, то получим следующую таблицу:

	1882 г.	1895 г.	Прирост.
Мелкие предприятия с 1—5 челов.	2.882.768	2.934.723	1,8%
Средние предприятия с 6—10 челов.	68.763	113.549	65,1%
Средние предприятия с 11—50 челов.	43.952	77.752	76,9%
Крупные предприятия (свыше 50 челов.) . . .	9.974	18.933	99,0%

Из этой таблицы видно, что прирост мелких предприятий значительно отстает от прироста населения, если даже считать мелкие предприятия в торговле и промышленности вместе. По сравнению с этим, насколько быстро увеличивается число крупных предприятий! Число всех предприятий (мелких и крупных) увеличилось на 4,6%, число же занятых в них лиц—на 39,9%: число последних возросло, следовательно, почти в десять раз быстрее, чем число первых.

Особенно ясно обнаруживается направление развития, если мы вернемся несколько назад и возьмем для сравнения промышленную перепись 1875 года. Тогда мы получим:

	1875 г.	1895 г.	Прирост в процентах.
Самостоятельных производителей	2.945.084	2.948.821	0,13
Наемных рабочих и служащих	3.634.867	7.320.448	101,41

Число самостоятельных (под которыми подразумеваются не только владельцы, но и управляющие предприятиями) осталось, таким образом, почти то же самое,—тогда как число наемных рабочих удвоилось.

Итак, число рабочих, не имеющих возможности стать самостоятельными и осужденных оставаться в кабале наемного труда, быстро возрастает.

г) Сельскохозяйственная статистика.

Остается еще сельское хозяйство. Здесь утвердилось мелкое производство. Г. Бюргер приводит нам такую статистику сельскохозяйственных предприятий в Германии:

	1882 г.	1895 г.
Предприятия ниже 2 гектаров [1]	3.062.000	3.236.000
„ в 2—5 „	981.000	1.016.000
„ в 5—20 „	927.000	999.000
„ в 20—100 „	281.500	281.800
„ свыше 100 „	24.991	25.061

Затем он с чувством удовлетворенности указывает на то, что прирост почти во всех группах получился якобы один и тот же, и общее число предприятий „увеличилось приблизительно на 300.000 (для 13 лет—гигантская цифра)".

На этот раз цифры удивительным образом соответствуют действительности. Да, гигантская цифра роста числа предприятий—факт. Но она становится такой только тогда, если мы примем, что можно просуществовать со всякого клочка земли, как бы мал последний ни был. Из этой гигантской цифры, более точно определяемой в 281.973 предприятий, не менее 120.236 падает на «предприятия» размером меньше 20 ар. [2]), 174.536—на предприятия меньше 2-х гектаров.

[1]) Гектар—около 0,9 русской казенной десятины.
[2]) Ар около 22 квадратных сажен.

В то время, как число этих карликовых хозяйств увеличилось почти на 175.000, площадь обрабатываемой ими в сельском хозяйстве земли уменьшилась на 17.494 гектара. Но хозяйства менее 2 гектаров образуют наибольшее количество всех сельскохозяйственных предприятий (в 1895 г.— 3.236.367 из 5.558.317). Положение этих трех миллионов с 1882 г. в общем решительно ухудшилось, поскольку они стоят в зависимости от величины находящейся в их распоряжении площади земли. В 1882 г. на каждое отдельное предприятие в среднем приходилось 60 аров земли, занятой в сельском хозяйстве, в 1895 г.—только 56 аров. Не правда-ли, какой гигантский прогресс, приведший к гигантскому росту мелких предприятий?

Смешно говорить о сколько-нибудь «колоссальной сумме», которая указывала бы, например, на колоссальный рост здорового мелкого производства. Однако, необходимо сознаться, что здесь нельзя заметить также обратного—именно, колоссального упадка мелкого производства. Мы находим скорее лишь незначительные изменения среди отдельных групп,— изменения, совершающиеся не везде в одном и том же направлении. В Германии за период с 1882 г. по 1885 г. развилось производство средних размеров, во Франции— карликовое и крупное производство, как это показывает следующая таблица.—Площадь обрабатываемой в сельском хозяйстве земли изменилась:

В Германии отдельные крупные классы.	1882—1895 г.г. Убыль (—) Прирост (+)	Во Франции отдельные крупные классы.	1881—1892 г.г. Убыль (—) Прирост (+)
Ниже 2 гект.	— 17.494 гект.	Ниже 1 гект.	+ 243.420 гект.
От 2—5 „	+ 95.781 „	От 1—5 „	— 108.434 „
„ 5—10 „	+ 563.477 „	„ 5—10 „	— 13.140 „
„ 20—100 „	— 38.333 „	„ 10—40 „	— 532.243 „
Свыше 100 „	+ 45.533 „	Свыше 40 „	+ 197.288 „

Даже в Германии, где господствует крупное производство, мы часто можем наблюдать склонность к уменьшению его; где оно развито слабо, мы наблюдаем склонность к увеличению. В восточной Пруссии, например, площадь, занятая сельскохозяйственными предприятиями размером больше 100 гектаров, уменьшилась за период с 1882 г. по 1895 г. с 1.008.163 гектаров до 923.651 гектара. Одновременно в Рейнской провинции она возросла с 35.913 до 48.325 гектаров, в Бадене—с 13,302 до 22.792 гектаров.

В общем сельское хозяйство, поскольку это касается отношений отдельных групп предприятий, не обнаруживает сколько-нибудь заметного движения и прогресса крупного производства. В этом сельское хозяйство, конечно, сильно отличается от промышленности. Но тем не менее, и занятое в сельском хозяйстве население становится все более зависимым от капитала и все больше перестает быть хозяином своих средств производства так же, как и промышленные рабочие. Пути этого развития все же очень запутаны, и невозможно представить их в таком кратком изложении: можно наметить лишь два пути, которые прежде всего бросаются в глаза.

Один из этих путей это—арендная система. —В 1895 г. в Германской империи насчитывалось сельскохозяйственных предприятий:

	С исключительно арендованной землей.	С целиком или частью арендованн. землей.	Без арендованной земли.
1892 г.	829.137	2.322.899	2.953.445
1895 г.	912.954	2.607.210	2.951.107
Прирост (+) или убыль (—)	+ 83.822	+ 284.311	— 2.338

Здесь упомянутая г. Бюргером «гигантская сумма» прироста в 300.000 (точнее 282.000) новых предприятий приобретет своеобразное освещение. Еще больше этой суммы—прирост тех предприятий, которые ведут хозяйство на чужой земле, им не принадлежащей,—в то время, как число хозяйств, совершенно не пользующихся чужой землей, прямотаки упало.

Так же, как с арендованной землей, обстоит дело и с ипотечной задолженностью. Заложенная земля фактически перестает быть собственностью крестьянина; последний обрабатывает ее для своего кредитора. Подобно собственнику арендованной земли, ипотечный кредитор является фактически поземельным собственником, на которого работает крестьянин.

По данным профессора Конрада, сумма ипотечных долгов в сельских округах возрастала след. образом:

Г О Д Ы:	П р у с с и я.	Б а д е н.	Г е с с е н.
За 1886—1887	133.160.000 мар.	13.620.000 мар.	5.620.000 мар.
„ 1887—1888	88.030.000 „	12.200.000 „	9.040.000 „
„ 1888—1889	121.020.000 „	12.860.000 „	2.980.000 „
„ 1889—1890	179.130.000 „	14.650.000 „	2.810.000 „
„ 1890—1891	156.370.000 „	14.840.000 „	4.510.000 „
„ 1891—1892	206.650.000 „	14.850.000 „	2.500.000 „
„ 1892—1893	208.680.000 „	13.710.000 „	3.900.000 „
„ 1893—1894	228.290.000 „	13.500.000 „	—
„ 1894—1895	254.670.000 „	14.710.000 „	—
1886—1895	1.575.000.000 мар.	124.710.000 мар.	31.360.000 мар.

Таким образом, в этих трех провинциях, в которых занятая под сельское хозяйство площадь составляет почти 70% всей обрабатываемой земли Германской империи, задолжен-

ность землевладельцев за 10 лет возросла больше, чем на 1700 миллионов марок. В остальной Германии она возросла в той же пропорции, а затем увеличилась, в общем, приблизительно на 2300 миллионов марок. И здесь мы опять имеем тоже гигантскую цифру,—только она говорит не в пользу г. Бюргера.

В восторге от такого увеличения числа сельскохозяйственных предприятий почти на 282.000 за период с 1882 г. по 1895 г. он не только не заметил, что одновременно уменьшился земельный надел трех миллионов самых мелких предприятий, что число хозяйств с арендованной землей возросло на 284.000,—но упустил еще из виду, что в тот же период земельная ценность больше чем в два миллиарда марок перешла от землевладельцев сельских хозяев к классу капиталистов, что последние экспроприировали первых на эту сумму.

Итак, и в сельском хозяйстве класс капиталистов все больше и больше овладевает средствами производства, отчуждает собственность трудового сельского хозяина и эксплоатирует его. Таким образом, он другим путем приходит в сельском хозяйстве к той же цели, что и в промышленности. Капитал становится господином всех источников существования народа. Народ только тогда сможет вновь свободно распоряжаться ими и самим собой, когда превратит их из частной собственности капитала в собственность нации.

д) Новое среднее сословие.

Нет, конечно, никакой возможности так же подробно рассмотреть все цифры Бюргера, как это мы делали до сих пор. Это значило бы противопоставить его брошюре целую книгу,—стрелять по воробьям из пушек.

Поэтому мы воздерживались от исследования статистики доходов, которую нам преподносит г. Бюргер, и тем более имели на это право, что для выяснения вопроса об упадке мелкого производства ценность этой статистики равна нулю, раз мы располагаем достаточной статистикой предприятий. Впрочем, то, что хочет доказать нам г. Бюргер этой статистикой, частью нами нисколько и не оспаривается, частью же

обращается прямо против него,—но этого он, конечно, не замечает. Так, например, он указывает, что в Саксонии доходы составляли (в миллионах марок):

	Землевладение.	Рента.	Жалование и заработная плата.	Торговля и ремесло.
1879 г.	218 мил.	112 мил.	365 мил.	350 мил.
1900 г.	329 „	289 „	1.103 „	682 „

В течение того же периода в 21 год, в который цифра населения повысилась на 41%, общая сумма всех видов заработной платы поднялась на 210%.

Откуда же, однако, происходит этот огромный рост? Как признает и сам Бюргер, он слагается частью из увеличения размеров тех слоев населения, которые получают заработную плату и жалование, частью же из повышения самой заработной платы и жалованья. Мы никогда не оспаривали того факта, что заработная плата за последние двадцать лет повысилась. Но даже и г. Бюргер не станет утверждать, что она утроилась. Таким образом, очень значительная часть прироста этой суммы должна быть приписана увеличению числа наемных рабочих, пролетариев, которые заменили самостоятельных мелких производителей. Чем быстрее совершается увеличение суммы заработной платы и жалованья по данным статистики налогов, тем больше это свидетельствует об упадке мелкого производства,—тогда как г. Бюргер приводит этот факт в доказательство противоположного! К сожалению, статистика налогов не позволяет нам установить, насколько увеличение суммы заработной платы и жалования следует приписать их непосредственному повышению и насколько—росту числа наемных рабочих и служащих. Следовательно, эта статистика не имеет никакой цены для выяснения рассматриваемого вопроса и может служить только одной цели: импонировать незнакомым со статистическими цифрами и пускать им пыль в глаза.

Так же мало мы оспариваем и второй вывод, сделанный г. Бюргером из его статистики доходов,—вывод о нарождении «нового среднего сословия». Это совершенно верно, но нисколько не противоречит программе социал-демократии, так как в том положении, в котором программа говорит о «гибнущих средних слоях», она отчетливо называет их мелкой буржуазией и крестьянством. Новое среднее сословие образуется преимущественно из служащих крупных предприятий; это нарождение является прямым следствием падения мелкого производства. Это среднее сословие охвачено чрезвычайно быстрым ростом. Г. Бюргеру не стоило тратить труда на свою статистику подоходных налогов. Статистика профессий показывает это гораздо точнее и яснее.

В Германии на каждые 10.000 производителей приходилось:

		Самостоятельных.	Служащих.	Рабочих.
В сельском хозяйстве.	1882 г.	2,278	87	7,141
	1895 г.	3,098	116	6,786
Прирост или убыль		+320	+35	—335
В промышленности . .	1882 г.	3,441	155	6,404
	1895 г.	2,490	318	7,192
Прирост или убыль		—951	+163	+778
В торговле	1882 г.	4,467	902	4,631
	1895 г.	3,607	1,120	5,273
Прирост или убыль		—860	+218	+642
Итого. .	1882 г.	3,203	190	6,607
	1895 г.	2,894	329	6,777
Прирост или убыль		—309	+139	+170

Таблица эта поучительна во многих отношениях. Она указывает, во-первых, что, несмотря на уменьшение числа наемных рабочих в сельском хозяйстве, относительная убыль самостоятельных хозяев в промышленности и торговле так велика, что, благодаря ей, теряет всякое значение тот прирост самостоятельных хозяев, который наблюдается в сельском хозяйстве.

Далее, она показывает, что среди отдельных групп производителей число служащих возросло наиболее быстро. С 1882 г. по 1895 г. число служащих относительно почти удвоилось, а абсолютно—даже больше, чем удвоилось (с 307.000 до 622.000). Но при всем том, этого нового среднего сословия недостаточно, чтобы заменить в обществе гибнущее прежнее среднее сословие:—самостоятельные хозяева и служащие составляли вместе в 1882 г. еще 34%, а в 1895 г.—всего лишь 32% общего числа производителей всех трех крупных производительных групп; наоборот, число наемных рабочих возросло с 66 до 68%.

Однако, нельзя смешивать новое среднее сословие со старым. Это новое сословие покоится на совершенно иных основаниях, имеет совершенно иные интересы. Прежде всего, оно вовсе не заинтересовано в сохранении частной собственности на средства производства, которых оно так или иначе лишено. Железные дороги, например, могуче способствовали образованию нового среднего сословия, создав многочисленный штат железнодорожных служащих. Но разве последние заинтересованы хоть сколько-нибудь в том, чтобы противиться переходу железных дорог в собственность государства, предпочитая такое положение, когда они составляют частную собственность?

Конечно, это новое среднее сословие образует по отношению к пролетариату привилегированный класс, являющийся, поэтому, чуждым и даже враждебным пролетариату. Но одна группа служащих за другой все больше и больше теряют свое привилегированное положение. Именно быстрый рост числа служащих и является для них гибельным. Вследствие упадка мелкого производства, молодое поколение старого среднего сословия устремляется преимущественно в ин

теллигентные профессии, а начальные школы в настоящее время дают массу образованных рабочих, так что как раз в новом среднем сословии господствует все возрастающее перепроизводство сил.—В свою очередь увеличивающаяся концентрация производства, имеющая место как в промышленности, так и в торговле, в конце-концов, неизбежно приведет к тому, что спрос на служащих станет все больше и больше сокращаться. В Америке тресты уже теперь в значительной степени привели к уменьшению и сокращению административного и коммерческого персонала.

Чем сильнее предложение сравнительно со спросом, тем ниже заработная плата, тем меньше и то различие в общественном положении, которое существует между служащими и наемными рабочими. Один за другим пролетаризуются слои служащих. «Новое среднее сословие» все больше раскалывается на две группы, из которых одна занимает высшее, лучше оплачиваемое, господствующее положение и защищает интересы капитала, и рядом с ней другая,—непрерывно возрастающая, совершающая с пролетариатом одно общее дело.

Конечно, группа эта не может внести много в его освободительную борьбу. Отдельные ее члены могут оказать важные услуги борющемуся пролетариату своими большими знаниями и духовным развитием. Но в общем члены этого нового среднего сословия находятся в таком зависимом положении, что их способность к сопротивлению гораздо меньше, чем у наемных рабочих в собственном смысле этого слова.

Во всяком случае в высшей степени ошибочно и нелепо ставить на одну доску новое среднее сословие со старым. Первое не представляет никакой опоры для частной собственности на средства производства. Чем больше оно занимает места старого среднего сословия, тем больше начинает колебаться та почва, на которой покоится частная собственность.

В этом отношении ничего не могут изменить никакие гг. Бюргеры с всей их арифметикой, хотя бы они в своем фанатическом искании истины и поставили ее вверх ногами.

II. Обнищание.

а) Социалистическое учение.

Сделав попытку опровергнуть положения социал-демократической программы, касающиеся падения мелкого производства, Бюргер обращается к тем ее положениям, которые говорят об увеличении необеспеченности существования, о росте нищеты, угнетения, рабства, унижения, эксплоатации. Тут он приводит огромный научно-статистический материал для доказательства повышения заработной платы, улучшения здоровья, увеличения продолжительности жизни, под'ема уровня нравственности и довольства жизнью и, наоборот,— уменьшения необеспеченности положения рабочего.

Нам нет надобности подробно рассматривать все эти цифры, потому что, если бы даже они были верны и доказывали то, что хочет с их помощью доказать г. Бюргер, все же они не противоречили бы программе социал-демократии и не опровергали бы ее.

О так-называемой «теории обнищания» за последние годы писалось очень много. Но г. Бюргер лишний раз показывает, что все еще существуют люди, которые не понимают, что в действительности говорит об этом программа социал-демократии. Конечно, если пожелать, тогда можно истолковать дело таким образом, будто социал-демократия утверждает, что нищета должна с естественной необходимостью возрастать, что рост ее неудержим и что победа социализма будет тем ближе, чем сильнее разовьется нищета.

Но что такое толкование ложно и не передает хода развития идей социал-демократии, это доказывает уже одно то

обстоятельство, что та самая программа, которая содержит положение о росте нищеты, выставляет целый ряд требований современному обществу для улучшения положения пролетариата,—требований, которые были бы бессмысленны, если бы рост нищеты был непреодолим и представлял собой предварительное условие победы социал-демократии.

Абзац Эрфуртской программы о росте нищеты взят дословно из «Капитала» Маркса,—из того самого произведения, в котором впервые систематически выясняется значение законодательной охраны рабочих для возрождения рабочего класса, и которое больше, чем какое-либо другое произведение, способствовало тому, что идея об охране рабочих приобрела права гражданства за пределами Англии. И тот же Маркс главным образом в «Интернационале» так же горячо, как и успешно, содействовал распространению профессионального движения из Англии по всей остальной Европе.

Противники марксизма и социал-демократии пытаются открыть здесь противоречие в социалистическом мышлении, но, ведь, это значит уж слишком облегчать себе критику социализма.

То, что утверждает программа, сделалось за последнее десятилетие общим научным достоянием,—это признают даже многие сторонники буржуазной науки: не знающий никаких пределов капитализм означает рост необеспеченности, нищеты, порабощения низших классов народа.

Капитал подгоняет жаждой прибыли, и это стремление развивается в отдельных капиталистах под давлением конкуренции. Поэтому капитал стремится удлинить рабочий день, понизить заработную плату; благодаря разделению труда и введению машин он стремится облегчить себе замену дорого стоющих рабочих сил—дешевыми, обученных рабочих—необученными, мужчин—женщинами и детьми. Но стремление к прибыли вместе с отсутствием планомерности в производстве ведет к кризисам, размеры которых увеличиваются все больше и больше, и которые распространяются на все более широкие слои населения нищету и безработицу.

Что экономическое развитие буржуазного общества, о котором говорит социал-демократическая программа, оказывает

именно такое действие,—в настоящее время, как уже было сказано, это признано даже многими буржуазными социал-реформистами. Но с другой стороны, социал-демократы вполне согласны с последними, что крайне необходимо ограничить эти влияния экономического развития, и что это достигается уже и в настоящее время в значительной степени, именно благодаря законодательной охране рабочих и профессиональным организациям, самым деятельным образом выступающим против роста нищеты, рабства, необезпеченности, эксплуатации.

Не в этом заключается противоположность между социал-демократами и социал-реформистами, но—в понимании последними тех сил, которыми вызываются эти ограничения, и тех действий, которые из них вытекают.

Социал-реформисты думают, что все буржуазное общество начинает больше и больше принимать участие в борьбе против нищеты. Социал-демократы, наоборот, знают, что буржуазные классы не потратят ни сил, ни даже желания на то, чтобы решительно бороться с возрастающей нищетой там, где это могло бы угрожать их прибыли. Они знают, что единственной действительной силой социальной реформы является увеличивающееся сопротивление пролетариата, который все больше и больше растет по своей численности и крепнет, благодаря своим экономическим и политическим организациям.

Если буржуазные классы проводят сколько нибудь значительные социальные реформы, то это следует приписать страху перед растущим рабочим движением,—в Германии, в частности,—страху перед социал-демократией. Без социал-демократии не было бы никаких социальных реформ.

Это признавал даже Бисмарк в своем заявлении 26 ноября 1884 года. Если бы не было социал-демократов, и если бы их не боялась масса,—не существовало бы и тех умеренных успехов, которых мы в общем достигли до сих пор в области социальных реформ.

Социал-демократия ничего не ожидает от доброжелательства имущих классов,—и все, что мы имеем в настоящее время, было достигнуто борьбой рабочего класса против нищеты и

против порождающей нищету страсти к наживе со стороны капитала. В этом, а не в предположении, будто в современном обществе совершенно безнадежна борьба против нищеты,— заключается одна из важных противоположностей между социал-демократами и буржуазными социал-реформистами.

Другое же различие заключается в следующем: социал-реформисты думают, будто бы социальные реформы могут принять такие размеры, что примирят рабочих с их общественным положением и заставят их отказаться от уничтожения капиталистического строя, от борьбы для завоевания средств производства путем их обобществления.

Социал-демократы считают это невозможным, так как стремление капитала к увеличению нищеты, рабства, эксплоатации, необеспеченности не может быть устранено никакими социальными реформами, противоположность между трудом и капиталом непримирима, и борьба рабочего класса против капитала не может окончиться раньше, чем перестанет существовать самый класс капиталистов, и капиталистические средства производства не сделаются общественной собственностью.

Для того, чтобы выставить с особенной резкостью эту необходимость непрерывной классовой борьбы против капитала и заставить понять, что все надежды на социальный мир в современном обществе являются лишь благочестивыми пожеланиями, лишенными всякого фактического основания,—для этого социал-демократическая программа подчеркивает столь резко, что стремление увеличить нищету, необеспеченность и гнет лежит в самой сущности капитализма и от него неотделимо.

Добрые друзья наши утверждали, будто бы такое понимание параграфа нашей программы, в котором говорится о нищете, придумано лишь потом для того, чтобы спасти его от критиков,—но первоначально-де оно имело только тот смысл, какой ему приписывает г. Бюргер, или же, вернее, не имело никакого смысла.

Как мало это похоже на истину, это доказывает одно следующее обстоятельство. В целом ряде статей, напечатанных в «Neue Zeit» за 1891 г., в которых были предложены

основные положения нынешней программы социал-демократии, их автор касался также вопроса о так-называемой теории обнищания. Между прочим там говорится:

«С точки зрения классовой борьбы является бессмысленным не только делание революции (Revolutionsmacherei), но еще больше—тесно связанное с этим положение: «Чем хуже, тем лучше; чем больше нищета, тем ближе революция».

«Это положение, представляющее перефразировку благочестивой немецкой поговорки: «Wenn die Noth am grössten, ist Gott am nächsten» («В беде и Бог не далек»)—в социально-революционную», основано на воззрении, братски разделяемом как анархистами, так и поклонниками так-называемой гармонии. И те, и другие утверждают, что облегчить нищету пролетариата, улучшить его положение, значит,—лишить социализм всякой почвы.

«Улучшение положения рабочего класса только тогда было бы равнозначуще отказу от социального переворота, если бы оно вело к полному удовлетворению рабочего класса, к его примирению с современным общественным порядком. Если бы это было возможно, тогда это свидетельствовало бы против социализма и в пользу социальной реформы. Социализм же коренится именно в убеждении невозможности добиться пролетариату вполне удовлетворительного положения в современном обществе.

«Совершенно верно, что современный способ производства обнаруживает тенденцию все больше усиливать нищету низших слоев народа, гибнущих средних классов, и пролетариата. Но этот способ производства порождает с тою же естественной необходимостью не только нищету, но и возмущение против нее,—возмущение, которое поднимается все сильнее, оказывает все более энергичное сопротивление расслабляющим тенденциям капитализма, а при особенно благоприятных обстоятельствах даже способствует повышению жизненного уровня рабочих. Но это не только не уменьшает возмущения против нищеты,—а, наоборот, самым решительным образом превращает его в возмущение всего пролетариата против существующего общественного порядка. Ведь, корни этого возмущения лежат не в самой нищете,—так как не

везде, где существует нищета, существует и возмущение против нее,—те, среди которых зарождается это возмущение, вовсе не являются самыми несчастными. Эти корни лежат в классовой противоположности между эксплоататорами и эксплоатируемыми и в тревожном непостоянном характере современного способа производства, который, находясь в состоянии непрерывного превращения, держит пролетариат в вечной тревоге и в корне разрушает то робкое благоговение перед освещенным столетиями настоящим, которое характеризовало эксплоатируемых прежних веков.

«Этот революционный и революционизирующий характер современного способа производства все больше разрастается, а вместе с ним растет и противоположность между классом капиталистов и классом пролетариев. Ведь, даже там, где положение последних абсолютно улучшается, оно ухудшается относительно в том смысле, что улучшение отстает от быстрого роста всеобщей продуктивности труда, свойственной современному способу производства. Даже там, где нищета уменьшается, эксплоатация увеличивается.

«И это повышение уровня благосостояния рабочего класса совершается не самопроизвольно: оно должно быть завоевано жестокой борьбой, требующей бесчисленных жертв. Поэтому, каждое приобретение пролетариата означает не ослабление, но еще большее обострение классовых противоположностей.

«Далее, если бы даже в самом благоприятном случае тому или иному слою рабочих удалось достигнуть такого жизненного уровня, который его удовлетворил бы, то все же рабочий не может радоваться этому, твердо помня о ненасытности класса капиталистов и о той общей необеспеченности, которую несет с собой современный способ производства. Если низшие слои рабочих вынуждены постоянно вести борьбу с капиталом, чтобы избежать нищеты, то также должны бороться и высшие слои, чтобы снова не быть низвергнутыми в нищету, которая им постоянно угрожает. Ни одно завоевание рабочего класса не является надежным; всякий кризис, всякое новое открытие, новый союз фабрикантов, новый закон могут отнять его у рабочих. Борьба, борьба, и борьба без конца—вот лозунг рабочего класса. Для него не существует

никакой прочной победы, раз он не завоевал политической власти в государстве и не обратил средств производства в общественную собственность.

«Всякое усиление рабочего класса, достигнуто ли оно экономическими или политическими мероприятиями, означает не что иное, как усиление борцов за социализм. Всеми силами служить пролетариату в его борьбе за улучшение его положения в современном обществе—вот задача, не только совместимая с принципами социал-демократии, но—одна из самых важных задач, быть может, важнейшая задача социал-демократии». (Der Entwurf des neuen Parteiprogramms, «Neue Zeit». IX, 2, стр. 753).

Эта точка зрения уже тогда вовсе не была новой для социал-демократии, в настоящее же время она является общепризнанной в ее рядах.

Что могут сказать против такого понимания цифры г. Бюргера? Если бы положение рабочего класса в Германии действительно так сильно улучшилось, как нас хочет уверить г. Бюргер, то мы первые бы приветствовали этот факт с радостью, так как при таких условиях в той же мере возросла бы и способность рабочего класса к борьбе. У нас нет ни малейшего основания умалять успехи, достигнутые пролетариатом. Но точно также у нас нет ни малейших оснований прикрашивать и изображать его положение в лучшем, чем оно есть, виде, так как это значило бы обманывать пролетариат относительно его сил и задач и скрывать от него те трудности, которые ему еще предстоит преодолеть, короче—вводить его в заблуждение, могущее, хотя бы временно, направить его по ложному пути.

Конечно, кто хочет достигнуть именно этого последнего, тот имеет все основания изображать дело в розовом свете.—Напротив социал-демократия совершенно не заинтересована в искажении истины.

б) Повышение заработной платы.

Нет сомнения, что могучий подъем рабочего движения и страх перед ним создали некоторые улучшения в положении трудящихся классов. Существуют уже широкие слои рабочих,

которые в состоянии организоваться в профессиональные союзы или достигли известных результатов в области законодательной охраны труда, и, благодаря этому, иногда весьма заметно улучшили свое положение. Но все это является незначительным, если вспомнить, что еще многие и многие рабочие слои, лишенные всякой защиты, остаются обреченными в жертву капитализму и потому все ниже и ниже погружаются в нищету,—как напр., масса рабочих домашней промышленности;—если вспомнить, далее, что нет и не предвидится никакого средства для урегулирования кризисов, которые время от времени на все большем протяжении разражаются над капиталистическим обществом, порождая нужду и нищету среди всего трудящегося населения;—если, наконец, вспомнить, каких баснословных размеров достигло развитие техники, производительных сил, насколько увеличился капитал и масса прибыли. В сравнении со всем этим успехи рабочего класса приходится назвать крайне ничтожными.

Г. Бюргер совершенно забывает показать нам оборотную сторону медали. Он ничего не хочет знать о нищете лишенных всякой защиты неорганизованных рабочих; говоря о нищете, он всегда избегает касаться кризисов точно таким же образом, как и в другом месте своей брошюры, говоря о падении мелкого производства, он совершенно умалчивает о прогрессе картелей и трестов. Эти наиболее характерные для современного положения капитализма явления для него не существуют.

Наш фанатик истины так тщательно обходит кризисы, что в приведенной им цитате из социалистической программы, которую он стремится уничтожить своей критикой, умышленно опускает тот абзац, который говорит о кризисах. Что за странная случайность!

Об огромном росте капитала и его производительных сил Бюргер говорит так же мало, как и о порождаемой кризисами нищете.

Всех этих сторон он совершенно не замечает. Напротив, он зорко следит за тем, как бы открыть всякое улучшение в положении трудящихся классов,—настолько зорко, что подчас видит даже и такие вещи, которых там нет.

Достаточно привести лишь некоторые выдержки из его брошюры.

Чтобы показать, насколько значительно улучшилось положение рабочих, он говорит следующее:

«Социалист Маршаль писал в 1885 году: «К началу девятнадцатого столетия цены на предметы потребления (при соответственном подсчете) были почти в два раза выше, чем в настоящее время; средняя денежная заработная плата рабочего увеличилась вдвое».

«Социалиста» Маршаля, «признанием» которого Бюргер пытается здесь уничтожить других социалистов, мы можем подарить ему самому. Этот профессор политической экономии в Оксфордском университете имеет, пожалуй, так же мало общего с социализмом, как и сам Бюргер.

Высказывал ли Маршаль действительно цитируемое Бюргером положение, это мы не можем в данный момент установить. Но для нас важно лишь, насколько оно подтверждается фактами.

Прежде всего, остановимся на «удвоении заработной платы за время от начала прошлого столетия». Мы можем сослаться при этом лишь на одну Англию, в которой к тому времени капиталистический способ производства уже господствовал в значительной степени. Однако, в Англии мы находим все, что угодно, но только не увеличение заработной платы. Напротив, до тех пор, пока рабочие оставались беззащитными перед капиталом, пока они не были в состоянии деятельно бороться с ним ни политически, ни экономически при помощи своих сильных организаций,—заработная плата понижается почти беспрерывно. Падение это началось уже в XVII в. (ср. Th. Rogers, Geschichte der englischen Arbeit, стр. 316) и продолжалось вплоть до первых десятилетий XIX в. Только с конца сороковых годов, когда чартистское движение вынудило введение десятичасового рабочего дня, когда всюду стали развиваться профессиональные союзы, а свободная торговля вызвала некоторый подъем в коммерческой жизни,—вновь началось продолжительное возрастание заработной платы.

«В общем и целом,—говорит Туган-Барановский, изучавший это развитие,—в Англии в первую половину XIX столетия заработная плата всех тех рабочих, труд которых не требовал продолжительного времени обучения, падала». (Этюды

по теории и истории торговых кризисов в Англии). Это признано в настоящее время всюду, даже буржуазной наукой. Отдельные исследования доказывают это неопровержимо. К сожалению, последних нельзя свести к нескольким статистическим цифрам.—Все данные относительно средней заработной платы, главным образом, те, которые охватывают большие области и большие промежутки времени, не надежны. Поэтому они заслуживают доверия лишь до известной степени; такими данными можно пользоваться, как иллюстрацией хода развития только в тех случаях, когда указываемое ими направление подтверждается также и другими самостоятельными исследованиями.

Только в таком смысле, и отнюдь не как точно установленные данные о заработной плате, могут быть рассматриваемы нижеследующие цифры.

Года два тому назад (писано в 1903 г.) бюро труда в Соединенных Штатах собрало, на основании официальных источников, сведения о заработной плате в различных отраслях производства и в различных государствах за очень большой промежуток времени. Для некоторых отраслей в этом сборнике содержатся данные о высоте заработной платы еще в XVIII столетии.

Привести все интересующие нас цифры, это значило бы написать целый том, и потому нам приходится пользоваться лишь некоторыми из них. В названном сборнике мы находим для Англии следующие данные о заработной плате (считая 1 доллар = 4 марки—около 2 рублей; в таблице Н—означает низшую заработную плату, В—высшую, С—среднюю):

РАБОЧИЕ БУМАГОПРЯДИЛЕН.							
	Мужчины.				Женщины.		
	Н.	В.	С.		Н.	В.	С.
1810	—	—	6,88	1812	—	—	2,52
1832	3,24	4,04	—	1832	1,64	2,44	—
1849	2,92	6,48	—	1849	0,72	1,20	—
1859	3,24	7,28	—	1859	0,80	1,44	—
—	—	—	—	—	—	—	—

Рабочие бумаготкацких фабрик.				Поденные рабочие.			
	Н.	В.	С.		Н.	В.	С.
1810 . . .	1,96	3,40	—	1824 . . .	—	—	2,6
1833	—	—	1,56	1833	—	—	2,4
1839	1,48	1,92	—	1844 . . .	1,96	2,12	—
1849	1,44	2,60	—	1849	2,12	2,52	—
1859	1,64	3,24	—	1860	1,96	3,48	—

Начиная с 1860 года, статистика заработной платы становится на твердую почву; здесь мы уже находим даже многократно обработанный материал. Наиболее безупречным является, по нашему мнению, метод статистика Баули (Bowley); хотя данные последнего, подобно данным некоторых других статистиков, отличаются слишком большим оптимизмом, так как Баули на основании успехов отдельных рабочих слоев, находящихся в более благоприятных условиях, заключает об успехах и всего рабочего класса; однако, при всем том, его расчеты добросовестнее, чем, например, расчеты другого статистика—Гиффена.

Впрочем, при всех расчетах этого рода вопрос идет лишь о более или менее правильной оценке роста денежной заработной платы рабочих,—самый же факт ее роста с 1860 г. уже никем не оспаривается. Однако, этот рост вовсе не является непрерывным и достигает в 1873 г. своего высшего пункта; с тех пор заработная плата лишь в последние годы недавнего экономического подъема достигает уровня 1873 года, но не выходит за его пределы и даже вновь уже начинает падать.

Баули приводит статистику заработной платы как рабочих, организованных в профессиональные союзы, так и сельских рабочих за период 1860—96 г. К его данным мы присоединяем данные департамента труда о заработной плате сельских рабочих в 33 имениях за период 1850—1899 г.

В помещаемой ниже таблице высота заработной платы в 1896 году нами принята за 100:

Год.	Общий уровень зараб. платы.	Зараб. плата сельск. рабочих.	Год	Общий уровень зараб. платы	Зараб. плата сельск. рабочих.
1850.	—	71	1884.	92	100
1860.	72	84	1885.	91	99
1870.	81	91	1886.	90	97
1871.	84	97	1887.	91	96
1872.	94	99	1888.	91	96
1873.	103	103	1889.	95	97
1874.	99	103	1890.	100	99
1875.	97	103	1891.	101	101
1876.	96	104	1892.	101	102
1877.	95	104	1893.	102	101
1878.	92	104	1894.	101	100
1879.	89	100	1895.	101	100
1880.	89	100	1896.	100	100
1881.	90	100	1897.	—	101
1882.	92	100	1898.	—	103
1883.	93	100	1899.	—	105

По данным официальной «Labour Gazette» изменения высоты недельной заработной платы для целого ряда промышленных рабочих на 1 человека были следующие (уменьшение —, увеличение +):

1894 г.	— 1 м. 34 пф.	1897 г.	+ 1 м. 6 пф.
1895 „	— 1 „ 26 „	1898 „	+ 1 „ 56 „
1896 „	— 0 „ 84 „	1899 „	+ 1 „ 52 „

Таким образом, уровень заработной платы в 1899 году стоял лишь незначительно выше уровня 1893 года.

Итак, с 1873 года, по крайней мере в Англии, движение заработной платы к повышению весьма ничтожно. В период 1860—73 г. заработная плата рабочих возросла на 43%, заработная плата сельских рабочих—на 23%,—это было золотое время в XIX столетии для английского рабочего. Напротив, в 1896 году денежная заработная плата еще не достигла уровня 1873 года, а наступивший после того в Англии промышленный подъем явился не настолько сильным, чтобы заметно поднять ее выше уровня 1873 года.

Вполне естественно, что Гиффен находит удвоение денежной заработной платы; но это удвоение наблюдается только в том случае, если мы будем брать для сравнения данные, относящиеся не к началу столетия, а лишь к тому низкому уровню, до которого упала заработная плата в течение нескольких десятилетий неограниченного господства капиталистической промышленности. По Гиффену, средний доход английского рабочего в 1836 году достигал 380 марок, в 1886 же году он достигал 834 марок, т.-е. увеличился больше, чем в два раза. Но такова уже ирония судьбы, что статистик Ностиц, у которого мы заимствуем приведенные цифры, на предыдущей странице своей книги (Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England) приводит совсем другие данные того же самого Гиффена относительно высоты заработной платы в Манчестере,—из этих данных видно, что в период 1834—1884 г. заработная плата повысилась:

В прядильных	на 63%
„ портняжных мастерских.	„ 53%
„ кожевенных заводах	„ 16%
„ машинных мастерских	„ 18%

По данным Гиффена, прядильни дают наибольшее увеличение заработной платы, кожевенные заводы—наименьшее. В среднем это составило бы увеличение приблизительно на 40%. Если же, несмотря на это, Гиффен на основании своих определений доходов вычисляет увеличение заработной платы больше, чем на 100%, то это показывает только, чего стоят такие определения.

Итак, от начала и вплоть до сороковых годов прошлого столетия мы наблюдаем сперва падение заработной платы, а затем под влиянием рабочего движения—постепенное ее возрастание до 1873 года. С этого момента происходит колебание заработной платы около достигнутого уровня, обусловливаемое чередованием периодов благоденствия и кризисов. О сплошном удвоении заработной платы в течение прошлого столетия не может быть и речи, и лишь в лучшем случае можно констатировать увеличение ее от одной трети до половины в период между сороковыми и семидесятыми годами.

К сожалению, для Германии мы вовсе не имеем данных, которые простирались бы так же далеко в прошлое. Но в общем и целом можно сказать, что и здесь ход развития был тот же, но только совершился он позднее; движение было моложе, сильнее, чем в свое время в Англии. В Германии капитал с самого начала встречает сильное сопротивление своей эксплоататорской жадности со стороны энергичной и просвещенной социал-демократии. Однако, и в Германии цены на средства существования возрастали весьма быстро, как это мы еще увидим ниже. Поэтому, здесь движение заработной платы с семидесятых годов было энергичнее, чем в Англии. В промежутке от 1890 до 1900 года заработная плата промышленных рабочих в среднем возросла на 20%,—насколько об этом можно заключить на основании данных профессиональных товариществ,—в то время, как в Англии заработная плата возрастала лишь очень незначительно. С тех пор она вновь заметно упала. Кое-где в Германии движение заработной платы привело, пожалуй, в течение последних 50 лет к удвоению; но говорить о всеобщем удвоении заработной платы,—для этого нет даже и в Германии никаких оснований.

Как же обстоит дело с падением цен?

Сперва приведем некоторые цифры относительно Англии. Здесь мы находим, что цены на пшеницу в период 1821—1875 г. почти совершенно не изменялись. В 1821—30 г. тонна пшеницы стоила в среднем 266 марок, в 1871—75 г.—246 марок. Только с этого момента мы наблюдаем во вся-

ком случае сильное падение цен почти на половину (1891—1895 гг. 128 марок). Но это падение скоро остановилось. В 1898 г. тонна стоит уже 159 марок.—Падение цен на хлеб характеризует не все девятнадцатое столетие, а лишь два последних десятилетия.

Относительно цен на мясо Отто Герлах говорит следующее (в Handwörterbuch der Staatswissenschaften): «Насколько позволяют судить имеющиеся данные, в двадцатых годах мы наблюдаем значительное понижение цен, а затем повсеместное продолжительное их повышение вплоть до 90-х годов; в восьмидесятых годах начинается такое же общее падение цен, наблюдаемое, однако, за пределами Великобритании лишь в течение немногих лет».

Килограмм мяса стоил в Лондоне:

	Говядина.	Свинина.
1841—50 г.г.	88 пф.	114 пф.
1871—80 „	131 „	124 „
1896 г.	93 „	82 „
1898 „	96 „	106 „

Таким образом, в настоящее время мы находим те же цены на мясо, что и в середине XIX столетия. Нет и следа падения цен на половину.

Так обстоит дело в Англии. В Германии условия складываются для рабочих еще менее благоприятно.

По данным профессора Конрада цены на продукты в Пруссии были следующие:

	Пшеница за тонну.	Рожь за тонну.	Горох за тонну.	Картофель за тонну.	Кор. масло за М. центн.	Говядина за М. центн.	Свинина за М. центн.
1816—20	206	152	162	39	147	67	78
1821—30	121	87	97	25	102	47	55
1831—40	138	101	107	26	110	52	62
1841—50	168	123	130	34	120	57	74

	Пшеница за тонну.	Рожь за тонну.	Горох за тонну.	Картофель за тонну.	Кор. масло за М. центн.	Говядина за М. центн.	Свинина за М. центн.
1851—60	211	165	176	47	147	70	92
1861—70	204	155	168	45	178	87	105
1871—75	235	179	224	60	231	115	126
1876—80	212	166	232	61	224	115	124
1881—90	190	160	237	53	224	118	122

Здесь нет ни малейшего намека на сколько-нибудь непрерывное падение цен с начала прошлого столетия, не говоря уже о падении их на половину. Если мы оставим в стороне исключительно высокие цены 1816—20 годов, явившиеся следствием наполеоновских войн, то с 1821 по 1871—75 г. мы можем наблюдать чуть ли не удвоение цен на жизненные продукты. Только начиная с 1875 г. цены падают, и падение их продолжается до 1887 г., как это показывает нижеследующая таблица, данные которой мы заимствовали из «Сборника статистики Германской Империи за последние 25 лет» (цены выражены в марках):

	1882 М.	1887 М.	1896 М.	1897 М.	1898 М.	1899 М.	1900 М.	1901 М.
Пшеница (1 тонна).	215	170	158	162	190	156	146	165
Рожь „ .	165	130	130	136	155	156	153	151
Картофель „ .	36	33	34	43	43	38	45	39
Рогатый скот (Metterzentn.). . . .	106	100	112	113	113	116	119	117
Свиньи.	108	87	86	105	111	95	96	112
Масло коровье . .	—	189	199	199	194	195	192	203

Таким образом, как для заработной платы, так и для цен на жизненные продукты мы наблюдаем некоторое падение, начиная с семидесятых годов до 1887 г., затем до 1896 г. цены стоят на низком уровне и, наконец, вновь идут на повышение. Во всем этом нет никаких указаний на то, чтобы заработная плата постоянно возрастала, а цены постоянно падали.

Но люди потребляют не один только хлеб и мясо. Посмотрим теперь, как совершалось движение цен, напр., на каменный уголь. Они точно так же достигают своей наибольшей высоты в 1873 году. В последующие годы цены на каменный уголь в Пруссии (начиная с 1878 г. приводимые цифры относятся и ко всей Германской империи) за одну тонну выражались в марках такими цифрами (по данным Неймана Шпалларта «Обзоры мирового хозяйства», 1884 г.):

в 1873 г.	1874 г.	1875 г.	1879 г.	1882 г.
10,94	10,56	7,62	4,50	5,18

Далее (по данным уже упоминавшегося нами «Статистического сборника Германской империи») цены на антрацитный эссенский уголь были:

в 1882 г.	1885 г.	1890 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
5,2	4,7	11,0	7,7	8,3	8,6	8,9	9,5	9,5

Таким образом, и здесь мы наблюдаем с 1873 по 1885 г. падение цен, а затем почти непрерывное их повышение.

Кроме того, следует еще иметь в виду, что все приведенные нами данные выражают цены в оптовой торговле. В розничной же торговле они значительно возрастают, и потому издержки на эти продукты в действительности еще больше. Бюргер торжествующе указывает на то обстоятельство, что число торговых предприятий растет гораздо быстрее населения. В торговле число предприятий увеличилось за 1882—1885 г. на 40%, число занятых в этих предприятиях лиц увеличилось почти на 60%,—в то же время, как население возросло только на 14,5%. Но мелкие торговцы ничего не производят, они не увеличивают количества продуктов. Если число мелких торговцев увеличивается быстрее роста населения, то они должны либо дробить на соответ-

ственно большее число частей ту долю всего общественного продукта, которая приходится на них, — либо должны эту долю увеличить, т.-е. должны удорожать продаваемые ими продукты. Или же, наконец, должно совершаться и то и другое, как это и имеет место на самом деле в большинстве случаев.

К сожалению, этот факт не может быть установлен статистически. Не следует, однако, думать, что в действительности совершается только то, что зарегистрировано статистикой.

Но человек должен не только есть, но и ютиться где-нибудь. Цены на квартиру играют важную роль в расходах рабочего. Бюргер об этом умалчивает. Постараемся пополнить этот пробел некоторыми цифрами.

В новейших исследованиях жилищного вопроса (изданных в 1901 г. Обществом социальной политики) Поль Шварц сообщает для Вены следующие данные относительно средней платы за наем квартиры на человека:

в 1869 г.	53 фл.
„ 1880 „	76 „
„ 1890 „	80 „

В Берлине, по данным Фукса, средняя плата за квартиру выражалась следующими цифрами:

в 1815 г.	117 марок.
„ 1830 „	255 „
„ 1873 „	513 „
„ 1882 „	597 „
„ 1892 „	674 „

По данным Андреа Фойгта (опубликованным в упомянутом издании Общества соц. политики) стоимость земли в некоторых новых частях Берлина возросла с 1865 по 1895 г. на 1000—2000%. Так:

в Нижнем Фридрихштадте на	1028%
„ Розентальском предместье на	1071%
„ Штралауерском квартале на	1244%
„ Шенебергском предместье на	1957%

Во всех этих данных совершенно не принято во внимание возрастание стоимости квартир и земли за время после 1895 года!

Итак, в то время, как заработная плата, а также цены на жизненные продукты колеблются то в ту, то в другую сторону,—движение квартирных цен дает нам совсем другую картину: последние возрастают непрерывно и притом с все увеличивающейся быстротой.

Это возрастание цен за наем квартиры падает всей своей тяжестью в гораздо большей степени на беднейшие слои населения, чем на состоятельных и богатых!

Профессор Геркнер опубликовал во втором издании своего «Рабочего вопроса» статистические данные для Гамбурга, позволяющие судить, какую долю составляет плата за наем квартиры в доходах различных классов.

Классы по доходам.	Процент, который составляла плата за наем квартиры от приведенной суммы дохода в годы:				Увеличение с 1868 по 1892 г.
	1868	1874	1882	1892	
От 600—1200 мар. .	18,77	20,90	23,51	24,76	+ 5,94
„ 1200—1800 „ . .	19,89	21,13	18,94	22,22	+ 2,33
„ 1800 - 2400 „ . .	20,27	20,88	19,50	22,09	+ 1,82
„ 2400 – 3000 „ . .	19,45	19,21	19,78	20,81	+ 1,36
					Уменьшение с 1868 по 1892 г.
От 3000—3600 мар. .	19,59	19,03	17,90	19,15	— 0,44
„ 3600—4200 „ . .	19,28	18,17	18,33	18,17	— 1,11
„ 4200—4800 „ . .	18,89	17,38	17,22	17,88	— 1,01
„ 4800—6000 „ . .	18,55	17,35	18,33	17,71	— 0,84
„ 6000—12000 „ . .	15,99	15,48	16,72	15,12	— 0,87
„ 12000—30000 „ . .	11,51	10,75	12,23	10,38	— 1,13
„ 30000 – 60000 „ . .	6,83	7,44	8,03	6,21	— 0,62
Св. 60000 марок. . .	3,71	3,78	3,87	3,05	— 0,67

Итак, богатые люди тратят всего от одной десятой до одной тридцатой своих доходов на свои квартиры-дворцы, и этот расход еще значительно уменьшился за промежуток 1868—1892 г. Беднейшие же из пролетариев должны были жертвовать в 1868 г. почти пятую часть своего заработка на уплату за одни только голые стены, а в 1892 году этот расход составлял уже целую четверть всего заработка! И конечно, с тех пор расход на наем квартиры возрос еще больше.

Но мы можем сравнивать между собой не только те расходы, которые существовали и в прежнее время. Теперь возник целый ряд совершенно новых расходов, которые тяжелым бременем ложатся на бюджет рабочего. Сюда относятся, напр., расходы на проезд.—До тех пор, пока города и предприятия были небольших размеров, рабочий мог жить где-нибудь вблизи около мастерской, предпринимая лишь по праздникам прогулки за город. В настоящее время и города, и сами предприятия разрастаются все больше и больше; становится все труднее найти квартиру вблизи крупного завода для всей работающей на нем массы, и расстояния, которые должны делать рабочие, отправляясь на завод и возвращаясь с него, постоянно увеличиваются. Но в то же время увеличивается и тот путь, который рабочий должен пройти, чтобы в свободное время подышать свежим воздухом. Таким образом, отправляясь на работу или на прогулку, рабочий все больше и больше вынужден пользоваться конкой, железной дорогой или велосипедом, все это—расходы, которых прежде он вовсе не знал.

С другой стороны, современная классовая борьба взваливает на плечи рабочего издержки на ее ведение,—издержки, которые в прежнее время для него также были неизвестны. Если некоторым рабочим слоям удалось сколько-нибудь значительно повысить свою заработную плату, то этим они обязаны прежде всего своей профессиональной организации и политической деятельности, без которых они легко были бы подавлены враждебным капиталом и ввергнуты в нищету. Но борьба с капиталом, т.-е. борьба против обнищания, профессиональная и политическая борьба стоит денег, требует регулярных и экстренных взносов для стачек, страхования, выборов, газет и т. д. Это, конечно,—не на ветер брошенные

деньги, и значени их огромно. Но все такие издержки на борьбу с нищетой должны быть покрыты из повышения заработной платы; без этих расходов не только не было бы достигнуто этого повышения, но нельзя было бы удержать заработную плату даже и на ее прежнем уровне.

Господин Бюргер держится, конечно, другого мнения. Он говорит:

«Наши рабочие даже на партийных взносах могли бы делать сбережения. Разве есть какая-нибудь необходимость или польза в том, что немецкие рабочие собирают ежегодно 5—6 миллионов марок, частью для центральной кассы партии, частью для местных или районных ферейнов, исключительно с тою целью, чтобы изо дня в день, на бесчисленных собраниях и в газетах повторять неверные утверждения социал-демократической программы?... В течение одного только 1900 года немецкими рабочими было израсходовано почти 3 миллиона марок на стачки. Какие прекрасные сбережения можно было бы сделать из этих денег»!

Насколько «неверны» утверждения социал-демократической программы и насколько верны утверждения г. Бюргера,—это мы имели уже случай показать. В качестве примера таких верных утверждений могут служить приведенные слова Бюргера, будто бы рабочие ежегодно вносят от 5 до 6 миллионов марок в кассу партии. В действительности, не существует даже никакой статистики этих взносов, и все, что сообщается по этому поводу, является плодом праздной выдумки. Доходы центрального комитета партии, слагающиеся из партийных взносов, в последние годы достигали 176.671 марки (с августа 1901 г. по июль 1902 года).

Статистика же г. Бюргера составилась, повидимому, следующим образом: он считает, что каждый член партии ежемесячно вносит 20 пфенигов. Это составляет 2 м. 40 пф. в год. Число социал-демократических избирателей достигает двух миллионов. Это число, умноженное на 2,40 м., и дает «ежегодно» 5—6 миллионов марок.

Само собою понятно, что далеко не все избиратели состоят членами партии, принадлежащими к одной из партийных организаций и платящими регулярные взносы. Наш

Бюргер,—как бы это помягче выразиться,—«преувеличил» истину настолько, насколько число организованных рабочих меньше числа избирателей. Но для такого рода друзей истины, это, конечно, совершенные пустяки.

Но даже, если бы рабочие всей Германии вносили для защиты своих политических интересов 5—6 мил. марок в год,—т.-е., какую-нибудь четвертую часть стоимости одного современного броненосца,—то это вовсе было бы не так уж много для той великой и трудной задачи, которую они призваны выполнить: противодействовать политической власти класса капиталистов и стать на защиту интересов неимущих классов государства. То же самое относится и к стачке. Повышение заработной платы, которое приводит в такой восторг г. Бюргера, не могло бы быть достигнуто без тех самых денег, которые вносили пролетарии на ведение своей политической и экономической борьбы.

Если же принять все эти обстоятельства в соображение, то окажется, что материальное улучшение условий жизни рабочих вовсе не так велико, как его изображает Бюргер.

Не подлежит сомнению, что отдельные слои рабочего класса значительно улучшили свое положение за последние десятилетия, но многие остались на прежнем уровне, а многие еще больше опустились в нищету. У нас нет никакого основания заявлять, что борьба с нищетой безнадежна, и что якобы существует общее ее возрастание. Напротив, благодаря рабочему движению, в некоторых местах нищета уже подавлена, и в известном отношении наблюдается общее ее уменьшение. Но это уменьшение очень ничтожно в сравнении с теми богатствами, которые накопляет класс капиталистов; оно достигнуто непрерывной и ожесточенной борьбой против этого класса, оно может быть продолжено и усилено в постоянной борьбе. И единственной партией, которая ведет эту борьбу и уже в настоящее время существенным образом противодействует нищете, является социал-демократия.

в) Повышение нравственного и физического уровня народа.

Выяснив на свой лад повышение экономических условий рабочего класса, Бюргер спрашивает: «Какое влияние оказывает на народ современный социальный строй?»—«Ответ

на этот вопрос,—говорит Бюргер,—по сущей истине, может быть только один: очень хорошее».

По сущей истине! Ни о чем г. Бюргер не говорит так охотно, как об истине. Есть люди, которые дорожат больше всего как раз тем, от чего они находятся дальше всего.

Сделанный г. Бюргером вывод подтверждается целым рядом статистических данных, которые должны свидетельствовать, что немецкий народ физически и нравственно достиг самого цветущего состояния.

Но если бы даже эти данные действительно имели то значение, которое им хочет придать г. Бюргер, то и в таком случае они еще ничего не говорили бы в пользу высказанного им только что утверждения; это ясно уже из изложенного нами понимания так называемой теории обнищания. Бюргер должен сперва доказать, что улучшения в положении рабочих являются результатом «современного социального строя», а не результатом борьбы. Или, может быть, он и эту борьбу и служащие для нее организации тоже причисляет к «современному социальному строю»? О, в таком случае мы ответили бы на вопрос: какое влияние оказывает на народ социал-демократия и профессиональные союзы?—словами г. Бюргера, и наш ответ, по сущей истине, мог бы быть только один:—очень хорошее!

Однако, г. Бюргер думает не так. Он ничего не хочет и знать относительно социал-демократии и профессионального движения, как это свидетельствует его замечание по поводу стачек. «Современным социальным строем» для него является капитализм.

Но если капитализм приводит в настоящее время к столь счастливым результатам даже там, где его стесняет социал-демократия и профессиональное движение, то влияние его было бы еще более блестяще там, где против него не выступает ни социал-демократия, ни профессиональные союзы.

В таком идеальном состоянии в настоящее время капитализм не находится нигде. Чтобы отыскать его в этом виде, нам пришлось бы вернуться к Англии и перенестись в начало прошлого столетия. Мы уже видели выше, какое влияние оказывал капитализм в те времена на заработную плату.

Каково было его влияние на нравственность, показывают следующие цифры числа преданных суду присяжных. На каждые 10.000 человек населения последних приходилось:

в 1823 г.	98	в 1828 г.	123	в 1833 г.	140	в 1838 г.	151
„ 1824 „	108	„ 1829 „	137	„ 1834 „	155	„ 1839 „	158
„ 1825 „	112	„ 1830 „	131	„ 1835 „	141	„ 1840 „	173
„ 1826 „	124	„ 1831 „	140	„ 1836 „	140	„ 1841 „	174
„ 1827 „	135	„ 1832 „	147	„ 1837 „	156	„ 1842 „	194

Таким образом число обвиняемых в течение двадцати лет увеличилось больше, чем в два раза. В промежуток 1843—1848 г. оно остается еще очень высоким, и только с 1849 г. начинает постепенно уменьшаться по мере того, как возрастает заработная плата.

Чтобы выяснить на основании статистических данных влияние капитализма на физический уровень рабочего населения, мы можем воспользоваться только цифрами смертных случаев в Англии, и то начиная лишь 1838 года. Число этих случаев увеличивается с 224 до 251 на каждые 10.000 человек к 1849 году—этому важному поворотному пункту, когда в Англии был введен законодательным путем десятичасовой рабочий день. Гораздо нагляднее, чем движение смертности в пределах одного десятилетия, сопровождаемое чередованием периодов благоденствия и кризисов, нам рисует картину распределение смертности в промышленных и сельскохозяйственных округах за тот же промежуток времени. На каждые 10.000 человек населения приходилось:

Г О Д.	Число смертных случаев в сельскохозяйственных графствах.	Число смертных случаев в промышленных графств.
1838—40	204	283
1840—43	202	256
1844—46	205	266
1847—49	214	302

Следовательно, смертность в промышленных графствах почти на 50% больше, чем в сельскохозяйственных.

Теперь мы видим, какое «влияние оказывает современный социальный строй», когда он неограничен государственной охраной рабочих и прочными политическими и экономическими рабочими организациями,—и какой вывод следует из этого «по сущей истине».

Что с тех пор под влиянием энергичного сопротивления рабочего класса против капитализма уже многое значительно улучшилось,—этого факта мы не имеем никаких оснований отрицать. Но и здесь нам приходится констатировать, что г. Бюргер изображает достигнутые успехи в слишком розовом свете. К сожалению для такого самодовольства еще весьма мало оснований.

Как первое доказательство благоденствия немецкого народа, Бюргер приводит увеличение числа браков. На 1000 жителей Германской империи в среднем число вступивших в брак равнялось:

1877—80	1881—85	1886—90	1891—95	1896	1897	1898	1899
15,3	15,4	15,8	15,9	16,4	16,7	16,8	17,2

«Следовательно, мы наблюдаем,—говорит Бюргер,—непрерывное, сильное поступательное движение»!

Верно. Но с каких пор?—С 1877 года, т.-е. в самый разгар последнего крупного кризиса. С этого момента и до момента высшей точки последовавшего за кризисом экономического подъема мы наблюдаем «сильное поступательное движение».—Но дело приобретает совсем другой оборот, если, не прибегая к шарлатанским фокусам, мы сравним не низший уровень экономического угнетения с высшим пунктом подъема, а возьмем для сравнения в обоих случаях высшие пункты. При таких условиях мы находим, что в 1871—76 гг, число вступивших в брак равнялось 18,1, а в 1899 году—всего только 17,2 т.-е. значительно меньше. Правда, г. Бюргер оговаривается, что период 1871—76 гг. был совершенно исключительный, благодаря предшествовавшей войне и получению миллиардной контрибуции. Но эта оговорка совершенно не относится к предыдущему десятилетию,

когда еще не было никаких миллиардов.—И здесь статистика дает нам следующее число вступивших в брак в Германской империи:

1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900
17,0	17,2	15,6	16,4

Итак, в общем и целом мы наблюдаем уменьшение числа браков за сорок лет.

Насколько внимательно относится Бюргер к приводимым им цифрам, видно из следующего: в таблице о числе вступивших в брак он вообще дает средние цифры за каждые пять лет,—однако, начинает свою таблицу не с пятилетия 1876—80, как должен был бы сделать, а с четырехлетия 1877—80. Выбор в качестве исходного пункта 1877 года, вместо 1876, становится понятным, если мы примем во внимание, что в 1876 году число вступивших в брак равнялось еще 17 случаям на 1000 (а в 1872 оно равнялось даже 20,51). Таким образом, на пятилетие 1876—80 гг. пришлось бы вступивших в брак 15,7, в следующее пятилетие 1881—85 гг. идет уже число вступивших в брак, равное только 15,4,—т.-е. не может быть и речи о каком—либо «непрерывном и сильном поступательном движении». Такое движение мы могли бы наблюдать только с 1896 года, т.-е. с начала последнего экономического подъема.

Совершенно верно заявление г. Бюргера, что смертность уменьшается, и возрастает избыток родившихся над умершими. Однако, трудно разобраться в том, в какой степени это явление следует приписать, с одной стороны, успехам медицины и гигиены, а с другой—прогрессу рабочего класса, достигнутому благодаря возрастанию заработной платы и уменьшению рабочего времени. Но замечательнее всего то, что кризис является еще более могущественным фактором, чем эти успехи, и грозит свести к нулю все завоевания последних лет.—Число родившихся превосходило число умерших (на каждые 10.000 жителей) в Германской империи и Великобритании на следующую величину:

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900
Герм. имп...	136	116	122	136	140	155	147	156	144	135
Великобр....	111	116	116	130	115	128	122	119	110	107

В 1900 году мы опять уже имеем меньшую величину, чем в 1891 году. А тогда кризис едва только начинался! К сожалению, мы не располагаем в данный момент цифрами 1901 года, но они показали бы нам, по всей вероятности, дальнейшее падение. В Англии это падение сильнее и начинается еще с 1897 года.

Насколько велик тот вред, который приносит народу «современный социальный строй», несмотря на уменьшение смертности,—нам показывает следующая таблица, заимствованная Геркнером из одной статьи Баллода (Ballad) (средняя продолжительность жизни в городе и деревне). За период 1890—92 г. он дает следующие цифры смертности на каждые 10.000 жителей:

Профессии.	От 15 до 20 лет.	От 20 до 25 лет.	От 25 до 35 лет.	От 35 до 45 лет.
Самостоятельные сельские хозяева и их сыновья	13	24	43	70
Сельскохозяйственные рабочие и прислуга	17	39	52	83
Рабочие по металлу	27	54	75	137
Рабочие текстильн. промышленности	34	59	75	123
Горнорабочие	38	57	64	97

Таким образом, смертность среди промышленных пролетариев в возрасте 15—25 лет почти в три раза больше, чем среди сельских хозяев из имущих классов. Не правда ли, какой прекрасный социальный строй!

Геркнер приводит еще данные относительно Швейцарии, обнаруживающие то же самое явление, и делает следующее замечание: «эти данные, касающиеся Швейцарии и Англии, тем более заслуживают полного внимания, что они относятся

не к периоду «бури и натиска» капитализма, но проливают свет как раз на те социальные условия, которые уже испытали на себе влияние мероприятий промышленной гигиены и социально-политического законодательства».

Нечего, конечно, и ожидать, чтобы этим данным уделил свое внимание г. Бюргер,—они слишком были бы неудобны для его «любви к истине».

Но если успехи гигиены и улучшения условий труда некоторых слоев пролетариев уменьшили смертность, то благодаря этому борьба за существование не сделалась легче. Не мало рабочих слоев все еще остается в самой ужасной нищете, в нищету впадают многие мелкие буржуа, и даже сами капиталисты находятся под постоянной угрозой конкуренции, которая свирепствует все сильнее и сильнее. Если врачебное искусство может в настоящее время увеличить продолжительность жизни людей, то все же оно не в состоянии сохранить здоровыми их нервы среди водоворота «современного социального строя», Число нервных заболеваний, убивающих людей не сразу, но медленно отравляющих все их существование, возрастает из года в год. Доказательством этому может служить статистика случаев умопомешательства.

В Пруссии на каждые 100.000 насчитывалось

	1871 г.	1880 г.	1895 г.
душевнобольных . . .	223	243	260

Как на увеличении числа душевнобольных, так и на количестве самоубийств отлично обнаруживаются все прелести «современного социального строя».

Бюргер рассказывает, конечно, что «число самоубийств медленно падает,—так в Германской империи на миллион жителей приходилось самоубийц:

1881—90	1891—93	1894	1895	1896	1897	1898	1899
209	212	217	202	206	206	199	195

Уже эти цифры весьма замечательны. Они указывают нам на непрерывный рост числа самоубийств в период 1881—1894 г. (с 209 до 217). Только с наступлением экономического подъема 1895 г. начинается падение числа самоубийств,—ясное доказательство того, до какой степени это

явление тесно связано с экономическими условиями, — и сколько таких случаев можно было бы предотвратить, если бы наши социальные условия были удовлетворительны. Приведенные же цифры меньше всего могут служить доказательством удовлетворительности этих условий. Г. Бюргер должен был бы нас убедить, что эра непрерывно растущего благополучия, господствовавшая с 1895 года по 1899 г., представляет собою постоянное явление при капиталистическом способе производства, а не является лишь кратковременным опьянением, за которым всегда следует страшное похмелье — кризис.

И действительно, уже в 1900 г. число самоубийств на миллион населения вновь достигло 203, т.-е. в сравнении с 1899 г. (195 случаев) сильно возросло. А это было только начало кризиса.

Если мы возьмем больший промежуток времени, то для нас станет очевидным непрерывное увеличение числа самоубийств; этой области социальные реформы даже не коснулись.

Число самоубийств равнялось (по данным Масарика — «Самоубийство, как массовое явление», 1881 г. — и по данным G. V. Mayr'a в Handwörterbuch der Staatswissenschaften):

Год.	Франция.	Год.	Австрия.	Год.	Саксония.	Год.	Пруссия.
1827—30	1739	1828	626	1836	214	1836	1436
1876	5804	1879	2515	1877	1114	1866	2485
1881	6741	1881	3504	—	—	—	—
1897	9356	1898	4084	—	—	—	—

К числу особых прелестей капиталистического общества следует отнести самоубийства среди детей. По этому поводу Dr. Paul Frauenstädt пишет в «Zeitschrift für Sozialwissenschaft» (1901 г.):

«Страшно усиливающаяся тенденция к самоубийству среди подрастающей части населения в странах, достигших высокого культурного развития, уже давно и в сильной степени привлекала внимание статистиков-моралистов. Но еще более опасное социальное явление представляет все увеличивающееся число самоубийств среди детей. По данным официальной статистики в одной только Пруссии, за 30-летний период с 1869 по 1898 г. было 1708 случаев самоубийств среди детей в возрасте от 6 до 15 лет. Число самоубийств этого рода за пятилетие 1869—73 г. возросло с 191 до 214, и затем в последующие пятилетия этот рост выражался цифрами: 324, 296, 359, 324. В пятилетие 1869—73 один случай самоубийства среди детей приходился на 666.022 жителей,—в пятилетие 1894—98 один такой случай приходился уже только на 497.815 жителей. В общем числе самоубийств на детский возраст приходился к началу названного тридцатилетнего периода 31 случай, к концу это число возросло уже до семидесяти. И это увеличение падает исключительно на 10—15-летний возраст, на долю которого в общем числе самоубийств в начале приходилось всего 28 случаев, в конце—67».

Этого будет достаточно для характеристики того счастия и довольства, которые распространяет господствующий способ производства.

Нам осталось еще сказать несколько слов относительно порождаемой им нравственности. Мы вовсе не намерены здесь оспаривать, что нынешнее общество обладает высокой нравственной силой, — но эта сила лежит не там, где ее ищет г. Бюргер; она лежит в социал-демократии. Социал-демократия поднимает рабочего из нравственного унижения, в которое его толкает незнающий никаких преград капитализм; социал-демократия дает ему те нравственные устои и идеалы, которые облагораживают его удовольствия, ограждают его от поступков отчаяния, на место бессмысленной грубости ставит серьезное, неутомимое стремление к высшим формам жизни. Где господствует социал-демократия, там падает число преступлений.

Но, к сожалению, социал-демократия еще не достаточно

сильна, и еще не может оказать деморализующему влиянию капитализма такого противодействия, которое сделало бы вообще заметным уменьшение преступности. Последняя увеличивается еще и до сих пор.

Конечно, из статистических данных г. Бюргера этого нельзя заметить. Он дает нам следующую таблицу:

«На 100.000 юридически совершеннолетних лиц населения Германии приходилось осужденных на основании законов за преступления:

В годы.	Убийство.	Воровство.	Грабеж, вымогат. с цел. гр.	Укрывательство.	Поджог.	Лжесвидетельство.
1882—87	0,9	290	1,33	24	1,82	2,72
1888—92	0,8	279	1,28	23	1,40	2,33
1893—97	0,8	258	1,18	21	1,36	2,26
1898	0,7	254	1,00	20	1,30	2,12

«Здесь опущены такие преступления, говорит Бюргер, которые по своей природе не позволяют во многих случаях сделать верного заключения об их нравственном значении,— как напр., обман, похищение или растрата, повреждение тела. Приведенные числа заставляют нас признать всюду значительное уменьшение числа преступлений, т.-е. и здесь опять мы встречаем полную противоположность тому, что должно было бы быть согласно социал-демократической программе».

Мы уже видели раньше, что уменьшение числа преступлений нисколько не противоречит социал-демократической программе. Но почему те преступления, которые приведены в таблице Бюргера, позволяют сделать более верное заключение об их нравственной природе, чем те, которые им пропущены,— это остается совершенно непонятным. Такая ни на чем не основанная подтасовка позволяет скорее, пожалуй, сделать довольно верное заключение о нравственной природе г. Бюр-

гера, так как те самые цифры, которые он выбросил, попросту оказываются для него неудобными. Постараемся сами восстановить пропущенное.

На 100.000 юридически совершеннолетних, т.-е. имеющих от роду больше 12 лет, за преступления и проступки было осуждено:

В годы.	Вообще за нарушен. гос. зак.	За распутство, изнасилование.	За оскорбление.	За опасн. телесн. повреждения.	За растрату.	За обман.	За подделку документов.
1882	1057	9	122	122	46	37	9
1883—87	1058	9	129	153	45	40	9
1888—92	1101	9	128	173	47	51	11
1895	1250	12	146	221	53	62	13
1898	1257	12	147	239	52	64	13
Увеличен.	200	3	25	117	6	27	4

И здесь опять мы видим ту же уловку, к которой наш честный Бюргер уже однажды прибегал в своей статистике мелких предприятий. Там, чтобы «исправить» уменьшение в увеличение, он просто отбросил самые мелкие предприятия. Теперь же он превращает увеличение числа преступлений в уменьшение, просто отбрасывая те преступления, число которых возросло. Для этого вовсе не нужно быть очень искусным, но достаточно обладать медным лбом и быть уверенным в полном невежестве того «мыслящего» читателя, к которому Бюргер обращается и к которому он взывает в заключение своей брошюры: «Неправда, что число преступлений возрастает... Мыслящие люди вынесут сами приговор и откажутся оставаться дольше в рядах партии, которая является самой жестокой противницей истины».

Наш честный Бюргер, кажется, не может лгать, не взывая к истине.

В действительности, количество преступлений не только не уменьшается, но, в общем, даже увеличивается. Уменьшаются

лишь некоторые преступления, отвечающие духу феодальной эпохи и в настоящее время все больше и больше выходящие из моды; сюда относятся преступления, непосредственно связанные с личностью самого преступника, являющиеся делом его рук, как напр., убийство, грабеж, воровство, и т. п. Напротив, все больше растут те преступления против собственности, которые, отвечая духу капитализма, требуют и более утонченных методов, и в которых личность преступника действует не непосредственно, а при помощи целого сложного механизма,—как напр., разного рода подделки, обман, растрата и т. п. В глазах Бюргера все эти мошенничества являются, понятно, достойными всяческого почтения деяниями,—и в таком случае он, конечно, прав в своем утверждении, что преступность уменьшается.

Однако, наряду с вытеснением примитивных, грубых преступлений преступлениями утонченными, статистика показывает нам также еще увеличение тех преступлений, которые коренятся в чрезвычайной нервности, раздражительности и нравственном падении задыхающегося под гнетом капитализма человечества: увеличение случаев изнасилования, оскорблений, телесных повреждений.

Но статистика показывает нам еще и другие изменения, происходящие в этой области. Среди осужденных возраст в 12—18 лет составлял след. процент:

1882 г.	9,7%	1899 г.	9,9%
в среднем за 1882—1897.	9,8 „	1900 г.	10,4 „
1898 г.	10,0 „		

Из этой таблицы видно, что число малолетних преступников увеличивается. В 1882 г. их насчитывалось 30.719, в 1900—48.657. Число ранее подвергавшихся наказанию малолетних преступников в 1889 году было 5.590, в 1896—8.316, что составляло в 1889—15,2%, в 1896—18,8%.

Из общего числа осужденных ранее подвергавшихся наказанию было:

в 1896 г.	38,9%	в 1899 г.	40,8%
„ 1898 „	40,2 „	„ 1900 „	41,3 „

Неправда ли какой прогресс! Капитализм увеличивает не только число малолетних, но и обычных преступников!

Надо иметь совершенно особую нравственную природу, чтобы оставаться довольным таким «социальным строем».

г) Женский и детский труд.

Наряду со всеми этими признаками глубокого и даже прогрессирующего нездорового состояния народного организма, которое Бюргер изображает в самых розовых красках, существуют еще и другие, относительно которых он либо совсем ничего не говорит, либо касается их самым поверхностным образом.

Мы вышли бы из пределов настоящей работы, если бы захотели коснуться этих сторон подробно. Но совершенно не упомянуть о них невозможно.

Одно из таких явлений представляет женский и детский труд, которым капитал заменяет труд взрослых мужчин. При таком общественном устройстве, где рабочие были бы сами господами своих средств производства, производительный труд женщин и детей мог оказать очень полезное влияние. Он явился бы средством сделать женщину экономически самостоятельной, а тем самым—равноправной в социальном отношении с мужчиной и поставить ее на более высокую общественную ступень. Точно так же производительный труд детей мог бы сделаться могучим средством их физического и духовного развития, образования и нравственного воспитания.

Однако, до всего этого нет никакого дела капиталисту, который сам не работает, но живет трудом рабочих, который стремится вовсе не к тому, чтобы работа совершалась при благоприятных для рабочих условиях, а к тому, чтобы получить как можно больше работы и потратить возможно меньше денег. Он пользуется трудом женщин и детей, потому что их труд дешевле и доступнее труда мужчин, и, не задумываясь, разрушает семью, если только из этого может извлечь выгоду. В этом отношении влияние гибнущего мелкого производства, пытающегося путем эксплоатации женщин и детей конкурировать с машинами, еще хуже, чем влияние крупного каниталиста.—Система эксплоатации учеников процветает, число рабочих-подростков увеличивается.

Но женский и детский труд является следствием нищеты, или, по крайней мере, недостаточности заработной платы для удовлетворения потребностей рабочих. Сам рабочий дорожит своей семьей и разрушает ее только тогда, посылает только тогда своих родных на наемную работу, когда его собственной заработной платы нехватает.

Чрезвычайно характерен тот факт, что число занятых производительным трудом среди населения возрастает быстрее, чем увеличивается само население. Тогда как последнее возросло в Германии за период 1882—1895 г. на 14,5%, число производителей возросло на 17,8%. Таким образом, в настоящее время, отдельные члены семьи привлекаются в большей степени к производительному труду.

Но этот усиленный рост занятого в производстве населения приходится главным образом на женщин. В то время, как число производителей-мужчин возросло на 15,95%, число занятых в производстве женщин возросло на 23,6%. Что такой «прогресс» совершается исключительно на почве разрушения семьи, это показывают следующие цифры: число незамужних женщин, занятых в производстве, возросло на 14,4%, т.-е. в той же пропорции, как и население.—Конечно, этот рост совершался в промышленности и торговле быстрее роста населения,—в сельском же хозяйстве увеличение числа незамужних сильно отстает от общего роста населения.—Наоборот, число замужних женщин, занятых в производстве, увеличилось на целые 48%!

Об увеличении производительного труда детей нельзя судить на основании данных статистики профессий, так как перепись 1895 года производилась на иных основаниях, чем в 1882 году. Кроме того, как известно, детский труд в значительной степени ограничивается законом. Тем не менее характерно, что число производителей в возрасте ниже 20 лет увеличилось не только абсолютно, но и по отношению к приросту населения. На 10.000 человек, имеющих от роду менее 20 лет, приходилось занятых в производстве

в 1882 году	1.646
„ 1895 „	1,797

При этом даже официальная статистика признает, что детский труд представлен слишком малой величиной, в виду недостаточно собранных сведений. Так, например, согласно данным этой статистики, количество детей, работавших в газетных экспедициях всей империи, в 1895 году, представлено числом 36!!

Если не вполне возможно сравнение между прошлой и последней переписью занятых в производстве детей, то все же мы можем найти здесь весьма поучительные сведения о современном распространении детского труда. Так, в 1895 г. в промышленности насчитывалось 9,3% малолетних рабочих (моложе 16 лет). В мелких же предприятиях с 1—5 рабочими их насчитывалось 17,4%.

Еще больше число учеников в промышленности; оно составляло в 1895 г. 11% всех рабочих, в мелких же предприятиях достигало не менее 30%. Третью часть всех рабочих составляют недостигшие зрелого возраста рабочие силы.

Вернер Зомбарт в своей книге «Современный капитализм» приводит на основании данных переписи 1895 г. следующие цифры по отдельным ремеслам; в предприятиях с числом рабочих до 5 человек насчитывалось:

Ремесла.	Взрослых рабочих.	Малолетних раб. ниже 16 лет и учеников.	На 1000 взр. приходится малолетних.
Мясники	54.942	32.401	589
Булочники . . .	74.986	40.140	642
Сапожники . . .	77.441	50.528	652
Каретники . . .	22.820	14.638	658
Кузнецы	55.874	40.511	707
Маляры	26.431	19.021	721
Столяры	72.303	52.570	729
Портные	90.002	67.903	754

Ремесла.	Взрослых рабочих.	Малолетних раб. ниже 16 лет и учеников.	На 1000 взр. приходится малолетних.
Переплетчики . .	7.245	6.213	856
Жестяники . . .	14.803	12.882	866
Шорники	16.505	14.301	866
Типографщики . .	3.968	3.619	912
Обойщики	6.160	5.620	915
Парикмахеры . .	19.686	19.707	1004
Слесаря	19.593	29.437	1502

В общем в 21 ремесле Зомбарт нашел наряду с 598.813 взрослыми рабочими 443.039 учеников и малолетних рабочих в возрасте до 16 лет, т.-е. 739 малолетних на 1000.

В 1898 г. был произведен подсчет занятых в производстве детей, не достигших 14-летнего возраста, при чем, однако, сюда не вошли две таких области применения детского труда, как сельское хозяйство и услужение, хотя на них приходится львиная доля.

По переписи 1895 г. занятых в производстве детей, не достигших 14-летнего возраста, насчитывалось 214.954, из которых 135.125 падало на сельское хозяйство, и 33.501 находилось в услужении. Следовательно, на остальные отрасли производства приходится всего 46.328, что не составляет даже одной четверти общего числа детей. Напротив, неполная перепись 1898 г. определяет число занятых в производстве детей ниже 14-летнего возраста во всей империи не менее 544.283, не считая занятых в сельском хозяйстве и находящихся в услужении,—т.-е. последняя перепись дает число, слишком в три раза большее, чем дала перепись за три года перед тем.

Это свидетельствует прежде всего, конечно, о том, что стóят вообще «официальные» данные; помимо этого указывает еще и на огромное распространение детского труда,

который, если сюда присоединить детей, занятых в сельском хозяйстве и услужении, расхищает больше миллиона и, может быть, даже около двух миллионов молодых человеческих жизней, преждевременно подрывает их духовные, нравственные и физические силы.

Как результат нищеты, детский труд порождает новую нищету. Он лишает куска хлеба взрослых рабочих и переполняет многие отрасли производства, благодаря чрезмерно большому притоку рабочих сил.

Таким образом, систематически воспитывается целая армия безработных.

Вместе с тем, мы наталкиваемся здесь и на вторую огромную язву современного способа производства,—язву, которую до сих пор не могли уничтожить никакие социальные реформы,—мы наталкиваемся на безработицу.

д) Безработица.

Бюргер рассказывает нам, будто бы «программа социалистов» считает причиной растущей нищеты увеличение «армии избыточных рабочих», что, якобы, является следствием «распространения машин, этих железных рук». Но, ведь, это,—подробно доказывает нам Бюргер,—совершенная бессмыслица, так как на основании, напр., саксонской промышленной статистики ясно видно, что число наемных рабочих растет в той же пропорции, как и число лошадиных сил паровых машин, которыми пользуется промышленность. «Если бы правы были социалисты, то в Саксонии могло бы кормиться тем меньшее число рабочих, чем больше распространялось здесь машинное производство. В действительности же наблюдается как раз обратное явление».

Мы должны откровенно признаться, что это так: чем сильнее развита капиталистическая промышленность, тем больше число промышленных рабочих. Но почему же, не смотря на это, так много людей никак не хотят понять, что социал-демократы неправы? Происходит ли это потому, что все это—народ, неспособный мыслить, которому следовало бы сперва поучиться у г. Бюргера, чтобы превратиться в «мы-

слящих» людей? А не происходит ли это скорее потому, что наш «друг истины» опять навязывает социалистам воззрение, хотя и ничего общего с ними не имеющее, но зато в сравнении с действительным учением социал-демократии обладающее одним весьма важным преимуществом: оно настолько бессмысленно, что г. Бюргер может с большою легкостью его опровергнуть.

Вопрос о влиянии машин на безработицу является вовсе не таким простым, как это представляет г. Бюргер. Конечно, машина заменяет рабочего; она вводится только в том случае, если издержки ее изготовления и эксплоатации меньше суммы заработной платы заменяемых этой машиной рабочих. Однако, это еще не приводит непременно к сокращению числа занятых рабочих. Последнее может даже возрасти, не смотря на введение машины, если вложенный в промышленность капитал и расширение производства увеличиваются еще скорее, чем повышается прибыльность труда, связанного с введением машины.

Наиболее быстрый рост капитала и производства является, следовательно, при капиталистическом способе производства необходимым предварительным условием, которое должно быть выполнено для того, чтобы машина не способствовала увеличению безработицы. Таково учение социал-демократии, и оно говорит нечто совсем другое, чем то бессмысленное положение, будто бы число рабочих должно увеличиваться в той же пропорции, в какой увеличивается машинное производство.

Но производство не может всегда расширяться настолько быстро, насколько это необходимо для противодействия безработице. Ведь, производство зависит от рыночного спроса. Последний же как раз по отношению к продуктам массовой капиталистической промышленности возрастает лишь очень медленно, потому что заработная плата рабочих, а вследствие этого и их потребительная способность возрастает чрезвычайно медленно, а иногда даже и падает. В зачаточном состоянии капиталистическая промышленность может быстро увеличивать в стране свой рынок благодаря тому, что она разоряет конкурирующие с нею ремесленные предприятия или домашнюю крестьянскую промышленность и

становится на ее место. Но раз она этого достигла, то для нее возможность быстрого расширения своего рынка является еще лишь в том случае, если она не станет ограничиваться одним внутренним рынком, но превратится в вывозную промышленность.

Однако, как бы быстро ни распространялся капиталистический способ производства, и как бы много рабочих сил он ни привлекал к себе, давая им занятие, рынок и вместе с тем производство никогда не может на продолжительное время увеличиваться так же быстро, как увеличивается количество находящихся в его распоряжении рабочих сил. Наряду с увеличением числа взрослых рабочих, являющимся результатом естественного роста рабочего класса, последний увеличивается также благодаря притоку ремесленников, мелких торговцев, крестьян, заграничных рабочих, устремляющихся из земледельческих стран, наконец, благодаря усиленному привлечению к производительному труду женщин и детей.

Как бы ни возростал спрос на рабочие силы, благодаря расширению производства,—предложение рабочих сил растет в большинстве случаев еще быстрее, и таким образом промышленность никогда не в состоянии потребить находящиеся в ее распоряжении рабочие силы: всегда остаются безработные.—Бюргер, конечно, думает иначе:

«В 1895 году с величайшим старанием отыскивали живущую в фантазиях социалистов «армию безработных»; однако, обе ревизии, предпринятые для этой цели, не привели к открытию названной армии. За вычетом неспособных к труду, т.-е. больных и т. п., действительно безработных было найдено:

14 июня . . . . . 179.004 = 1,11% всех рабочих.
2 декабря . . . . . 553.640 = 3,43% „ „

Далее Бюргер прибавляет, что социал-демократ Кифер издал «30 лет назад» брошюру, в которой он определяет число странствующих безработных в 200.000. Если бы безработица увеличивалась, то в настоящее время безработных «насчитывались бы миллионы. Но вместо этого нашлось всего навсего

179.000 находящихся без работы, т.-е. 1 безработный приходится на 100 занятых работой. Следовательно, и здесь факты нас учат обратному тому, что говорит социал-демократическая программа».

Итак, «армия безработных» есть только продукт фантазии социал-демократов. Замечательно, что этот голый продукт фантазии обладает такою силой, что может заставить статистическое бюро предпринять целых две ревизии,—а многие исследователи находят необходимым подробно заниматься этим вопросом. Они могли бы взять пример с г. Бюргера: для него дело обстоит куда проще.

Понятно, если бы он внимательно рассмотрел данные переписи 1895 г., то, подходя с своей строгой меркой и с своим непоколебимым стремлением к истине, он назвал бы скорее «продуктом фантазии» названные статистические данные. Последние определялись не сами по себе, а в связи с переписью профессиональной и народной. Многие из опрашиваемых вовсе не понимали опросного листа и, как сообщает само статистическое бюро, оставляли совсем без ответа вопрос,—безработный или нет. Все, вернувшие такие опросные листки, причислялись к имеющим работу. Лица, которые оставались безработными свыше одного года, вовсе не включались в разряд безработных, а рассматривались, как хронически неспособные к работе; точно также лица, остававшиеся безработными по своей главной профессии, но находившие побочный заработок, также не рассматривались, как безработные и т. д. С другой стороны, наоборот, в разряд безработных попали лица, вовсе сюда не относящиеся. Короче, перепись в высшей степени неудовлетворительна и ненадежна. При этом зарегистрированы только лица, бывшие безработными 14 июня и 2 декабря. Между тем, наиболее жестокая безработица наступает по большей части только после Рождества, и в начале декабря она безусловно меньше, чем в конце.

В Берлине декабрь относится даже к тем зимним месяцам, когда в большинстве случаев обнаруживается спрос на рабочих и, что весьма характерно, даже больший, чем в июне. По сообщениям профессора Ястрова (Socialpolitik und Ver-

waltungswissenschaft) на сто свободных мест приходилось ищущих работы:

	В январе	в июне	в декабре
1895 г.	172,7	145,0	113,9
Среднее 1890—1901 г.г.	192,7	164,7	139,3

Из этого видно, что в январе перепись дала бы в Берлине гораздо большее число безработных, чем в декабре. Следует также заметить, что 1895 год дал значительно более благоприятные результаты, чем средний вывод за 1890—1901 г.г.

Что касается других частей Германии, то сколько нибудь правильные сведения здесь начинаются только с 1896 года. Так, на сто свободных мест ищущих работы приходилось в среднем:

	В январе	в ноябре	в декабре
1896—99	153,0	144,5	146,0

Только начиная с 1900 года картина меняется:

	В январе	в ноябре	в декабре
1900	126,2	169,3	177,9
1901	160,9	223,9	240,6

Влияние бывшего перед этим экономического подъема обнаружилось еще в январе 1900 г., влияние кризиса—в декабре 1901 г. Изменения под влиянием кризиса были сильнее, чем изменения, вызываемые временами года.

В 1895 году перепись была предпринята 2 декабря, т.-е. во всяком случае в такое время года, когда число безработных не самое большое; не смотря на это, число безработных достигало:

14 июня	299.352,	из них больных	120.348
2 декабря	771.005,	„ „ „	217.365

Бюргер вычитает число больных из числа безработных. Это в высшей степени неправильно. Труд больного рабочего должен быть возмещен. На место больных поступают здоровые, которые без этого не нашли бы для себя работы. Мы совершенно оставляем в стороне, что многие рабочие работают даже и будучи больными, пока могут, и заявляют о своей болезни только тогда, когда лишаются работы.

Следовательно, факт тот, что несмотря на все пробелы, 14 июня насчитывалось 300.000 безработных, а 2 декабря—800.000. Но так как безработица после Рождества еще больше усиливается, то едва ли мы впадем в большое преувеличение, если примем, что к этому времени число безработных достигает круглым счетом одного миллиона. Это дает, в сравнении с теми 200.000 бродяг, о которых говорит Кифер, весьма значительное увеличение.

Что приведенная цифра не представляет собою ничего невероятного, об этом свидетельствуют данные об Америке, из которых видно, что в течение одного года (с 1 июня 1889 г. по 31 мая 1890 г.) число безработных достигло 3.523.730 при населении, занятом в производстве в 22.700.000,—в Германии же число производителей в 1895 году составляло почти такую же цифру—именно 22.100.000. Таким образом, тогда в Соединенных Штатах 15% производителей оставались в течение одного года безработными.

При этом, упомянутые годы переписей—1890 год в Америке и 1895 в Германии—вовсе не были годами кризисов. Однако, и в эти годы безработица достигает ужасающих размеров.

При капиталистическом же способе производства нельзя избежать кризисов. Уже одно только отсутствие планомерности капиталистического хозяйства необходимо влечет за собою кризисы, и эта анархия возрастает по мере того, как хозяйство каждой отдельной страны становится все в большую зависимость от мирового рынка, и по мере того, как последний расширяется. Но к этому присоединяется еще стремление капитала к расширению производства. Возрастают находящиеся в распоряжении класса капиталистов производительные силы, благодаря увеличению числа наемных рабочих, благодаря техническому прогрессу, наконец, благодаря той массе богатств, которые доставляет капиталистам эксплоатация и из которых большую часть они стремятся пустить в оборот в качестве капитала. Однако, рынок расширяется вовсе не в такой пропорции, в какой растут производительные силы капиталистического производства; он препятствует их развитию, держит их в своего рода тисках; но зато достаточно рынку

расшириться несколько быстрее обыкновенного, чтобы производительные силы стали развиваться с еще бо́льшей скоростью. В эпоху экономического подъема производство делает в своем развитии такие скачки, которые далеко превосходят вновь народившиеся потребности рынка. Так, за каждым периодом благоденствия с естественной необходимостью следует кризис, который производит тем более опустошительное действие и длится тем дольше, чем сильнее и продолжительнее был предшествовавший экономический подъем.

Во время недавней оргии, царившей в производстве, весь мир переживал счастливые дни, убаюкивая себя сладкими мечтами, что наконец-то настало время, когда экономический подъем может продолжаться бесконечно долго, и никакой крах не нарушит его. Напрасно социал-демократы возвышали свой предостерегающий голос. Их экономическую проницательность осыпали насмешками, защищаемые ими законы экономического развития отвергли, как негодную кучу устарелых формул. Но с тех пор предсказания социал-демократии, к сожалению, даже слишком оправдались. Мы переживаем вновь один из самых опустошительных кризисов, с чем согласится каждый, за исключением невежд да продажных защитников существующего строя.

К сожалению, по этому поводу не существует никакой официальной статистики; однако, вышеприведенные цифры о положении труда в Германии говорят слишком красноречивым языком. В период 1896—99 годов на 100 свободных мест в декабре месяце приходилось 146 ищущих работы, в 1899 году, в указанном месяце, число их понизилось до 131, а в декабре 1901 года оно быстро возросло до 240, т.-е. на 91%. Если в такой же пропорции возросло и число безработных, то оно увеличилось с 800.000 до 1.500.000!

При этом не следует забывать, что тогда мы находились только при начале кризиса; самые трудные времена были еще впереди. Даже наиболее скромные и оптимистически настроенные социал-реформисты в настоящее время громко требуют мероприятий для поддержки безработных, и только друзья рабочих из центрального союза немецких промышленников со своим образцовым буржуем во главе имеют наглость при

подобном положении вещей издеваться над безработицей, указывая на нее, как на изобретение фантазии социал-демократов!

К этому следует прибавить, что безработица принимает все более и более тяжелые формы; необходимо иметь в виду, главным образом, следующие два обстоятельства.— С одной стороны, кризисы становятся все более и более продолжительными. Если прежде они проносились, как гроза, которая быстро проходила, давая место новому экономическому подъему,— то теперь за каждым кризисом следует еще более продолжительный упадок, застой и вялость в делах и сильная безработица, которая тянется в течение целого ряда лет. Но чем дальше продолжается безработица, тем сильнее она угнетает рабочего, тем больше она толкает его к ужасному и единственному выбору между нищенством и преступлением или же голодной смертью!— С другой стороны, безработица все чаще поражает пожилых лиц. Мы уже видели, что капитал и конкурирующая с ним мелкая промышленность привлекают к наемному труду преимущественно детей и молодежь, развивая настоящую страсть к молодому человеческому мясу. И чем больше капитал в состоянии располагать последним, тем скорее он может отказаться от взрослых рабочих. Но рабочий старится и становится неспособным к труду тем скорее, чем раньше он надел на себя ярмо наемного труда.

«С ростом конкуренции,— говорит Туган-Барановский по поводу английских торговых кризисов в своей уже упоминавшейся нами книге,— жизнь становится все труднее, рабочая сила потребляется капиталом в все более и более раннем возрасте и перестает приниматься трудовым рынком». Он цитирует Гобсона, который говорит, что во многих отраслях труда, как, напр., в горноделии, среди матросов, ткачей, в металлическом производстве, машиностроении—для мужчин в 40—50-летнем возрасте фактически невозможно найти себе сколько-нибудь обеспеченного занятия. Несмотря на все старания придать своей внешности еще не старый вид, такой рабочий чувствует, что работа ускользает из его рук, его уменье и опыт не могут спасти его от конкуренции молодого поколения, которое превосходит его и скоростью своей работы, и своей «мускульной энергией».

По данным Чарльза Боота (Booth) в Англии почти половина (40—45%) рабочих, в возрасте свыше 65 лет, находятся в домах для призрения бедных.

При каждом кризисе именно пожилые рабочие первыми лишаются работы,— при каждом оживлении дел они последними находят для себя работу. И как раз эти-то безработные прежде всего и упоминаются официальной статистикой, так как последняя не причислила к своим данным как тех, которые в течение года оставались безработными, так и тех, которые находили для себя работу в каких-либо побочных профессиях. Несмотря на это официальная статистика определяет при разделении на группы по возрастам, что на каждых сто рабочих соответствующей группы приходилось безработных:

Возраст.	14 июня 1895 года.			2 декабря 1895 года.		
	Мужч.	Женщ.	Вместе.	Мужч.	Женщ.	Вместе.
14—20 лет	1,57	1,07	1,36	3,80	2,62	3,24
20—30 „	2,23	1,71	2,03	5,23	3,96	4,74
30—50 „	2,06	1,50	1,92	5,46	4,69	5,27
50—70 „	2,82	1,76	2,48	8,17	6,51	7,64
Свыше 70 лет. . .	3,78	2,12	3,21	8,41	5,10	7,27
В среднем. . . .	2,10	1,46	1,88	5,32	3,94	4,84

Мы видим, что безработица принимает все более и более болезненные и опустошительные формы. И она является самым ужасным бичем, какой только знает рабочий класс. Раб и крепостной при всей своей неволе, при всех лишениях все же знал, что его существование обеспечено. Его эксплоататор являлся и его защитником, который охранял его жизнь и обеспечивал его жизненные потребности. Нарушение условий труда в тот момент, когда он перестает при

носить прибыль, постоянная угроза со стороны безработицы, т.-е. лишение рабочего возможности спискивать себе пропитание,—это есть особенность только капиталистического способа производства,—особенность, которая растет и развивается вместе с ним. И от этого самого ужасного зла не застрахован ни один рабочий,—даже и находящийся в наиболее благоприятных условиях,—и чем больше его благосостояние в то время, когда у него есть работа, тем мучительнее нищета во время безработицы. Рост безработицы означает рост необеспеченности, гнета, унижения.

Итак, одного только факта безработицы было бы достаточно, чтобы доказать положение социал-демократической программы, говорящее о росте нищеты. Но это—не единственный факт, доказывающий названное положение программы. Мы нашли немало и других фактов.

Бросим еще раз взгляд на все сказанное в этой главе. Она показала нам справедливость того, что рабочему классу может удасться—и отчасти уже удалось,—благодаря непрерывной, беспощадной борьбе против класса капиталистов, ослабить некоторые формы нищеты. Ему удалось во многих случаях сократить—иногда весьма значительно—рабочее время и повысить заработную плату, хотя еще далеко не в той степени, как это утверждают буржуазные экономисты. Как благодаря этому факту, так и благодаря прогрессу гигиенической техники, ему удалось уменьшить смертность и повысить рождаемость. Рабочему классу удалось также—там, где он проявляет политическую деятельность и приобретает влияние,—поднять умственный и нравственный уровень населения, уменьшить число преступлений. Однако, угнетающее воздействие капитализма на другие классы народа настолько сильно, что в общем и целом число преступлений возрастает, и даже образуется особый, все увеличивающийся разряд преступников среди населения, как это показывают цифры малолетних преступников и рецидивистов. При этом гнет конкуренции растет настолько сильно, что все большее число членов нынешнего общества теряет всякую силу противостоять ударам жизни, как это показывает увеличение числа душевно-больных и самоубийц. К этому прибавляется

рост нищеты—в связи с жилищным вопросом; рост нищеты—в связи с разложением семьи, вследствие все большего и большего привлечения к промышленному труду женщин; рост необеспеченности существования,—вследствие увеличивающейся безработицы в ее наиболее тяжелых формах, вследствие кризисов, принимающих огромные размеры.

Тот, кто рассматривает общественное развитие в его целом за все истекшее столетие, кто не выводит общих законов близоруко и опрометчиво из отдельных частичных явлений, распространяющихся либо на некоторые небольшие группы, либо касающихся короткого промежутка времени,—напр., на какие-нибудь пять лет последнего экономического подъема,—тот должен признать,—если для него действительно дорога истина и если он думает не о том, чтобы вводить в заблуждение неимущих в интересах богатых,—что программа социал-демократии может с полным правом сказать: экономическое развитие капиталистического хозяйственного строя означает для наемных рабочих,—мелкой буржуазии и крестьянства,—не что иное, как «увеличивающийся рост необеспеченности существования, нищеты, угнетения, порабощения, унижения и эксплоатации».

III. Какую пользу приносит социал-демократия народу?

Мы имели уже достаточно случаев убедиться в том, какого рода истина заключается в доводах, высказываемых Бюргером против социал-демократической программы. Эти доводы извращают либо смысл программы, либо даже самые факты, а в большинстве случаев грешат и в том и в другом направлении.

За недостатком места мы не можем останавливаться на всех извращениях, которыми так изобилует брошюра г. Бюргера, и коснемся здесь вкратце лишь одного из них. Бюргер говорит: «Утверждение социал-демократии, что рабочий не в состоянии делать сбережений, является не только неправдой, но и несправедливостью, чтобы не сказать оскорблением рабочих, которые заботами о своих семьях доказывают на деле, что они могут делать сбережения».

Социал-демократия никогда не говорила, что рабочий не может делать сбережений, она указывала лишь, что многие рабочие не могут делать сбережений. Но причину этого она искала не в самих рабочих и, следовательно, их не оскорбляла, а в той низкой заработной плате, которую они получают. Если в этом и заключается какое-нибудь оскорбление, то оно направлено только против тех, которые понижают заработную плату, и против их пособников, вроде г. Бюргера и ему подобных. Социал-демократия постоянно подчеркивала именно невозможность при помощи таких средств, как сберегательные кассы или товарищества, достигнуть освобождения рабочих и сделать их владельцами их собственных средств производства, своими собственными пред-

принимателями. Напротив, это утверждали те, которые постоянно только и занимаются убаюкиванием рабочих. Социал-демократия считает в высшей степени желательным, чтобы каждый рабочий мог отложить хоть какие-нибудь гроши на случай нужды, но она отвергает всякую возможность для массы рабочих подняться, при помощи сбережений, из своего класса и занять высшее общественное положение. Приводимые Бюргером цифры вполне это подтверждают. Хотя в сберегательные кассы вносят свои сбережения не только наемные рабочие, но также и ремесленники, крестьяне, дети очень зажиточных родителей и т. п., тем не менее средние размеры сберегательной книжки в саксонских кассах достигают всего 397 марок (около 198 руб.). Следовательно, на одного вкладчика, в среднем, приходится едва 400 марок. По нынешним же временам с 400 марками еще очень далеко до того, чтобы сделаться самостоятельным предпринимателем. Если же на эти деньги купить акций, то этим можно, пожалуй, приобресть надежду быть обобранным крупными капиталистами, но ни в коем случае не попасть в их ряды. Такая ничтожная сумма недостаточна даже для того, чтобы служить хоть небольшой рентой под старость. Первая же безработица поглотит ее.

Социал-демократия борется с теми иллюзиями, которые постоянно сопровождают вопрос о сбережениях рабочего, а не с самой возможностью сбережений.

Но если в настоящее время рабочий может в большей степени, чем прежде делать сбережения, то этим он обязан профессиональным союзам и социал-демократии, которая его с организовала, пробудила в нем сознательность и увеличила его влияние в обществе и государстве, что обнаруживается на возрастании заработной платы.

Конечно, Бюргер это превосходно знает. Когда социал-демократы заявляют, что улучшение положения рабочего должно быть приписано их партии, то «этим,—говорит Бюргер,—они только присоединяют к другим неверным утверждениям—новое, такое же неверное. В действительности немецкий рабочий чувствовал бы себя лучше, если бы вовсе не связывался с социал-демократией».

Доказательства этому смелому утверждению наш наемный адвокат центрального союза немецких промышленников черпает из сравнения заработной платы Германии с заработной платой Америки и Англии. Он ссылается на «крупную работу» американского статистика К. Райта (Wright), в которой этот последний якобы вычисляет, что при существующей заработной плате для удовлетворения необходимых потребностей рабочий должен работать в Англии 209 дней, в Северной Америке—225, в Германии же—240 дней в году. Следовательно положение рабочего в Америке гораздо лучше, чем в Германии. Но как раз в Англии и Америке социал-демократия не пользуется никаким значением,—откуда следует, что рабочие лучше устраиваются без помощи социал-демократии.

«Поэтому, когда наши социал-демократы хотят представить улучшение положения немецкого рабочего, как заслугу своей партии, то над этими господами можно только посмеяться и с полной уверенностью указать на целый ряд неопровержимых фактов, доказывающих, что положение рабочих лучше всего именно в тех странах, где до настоящего времени рабочие не желают и слышать о социализме».

Это высший пункт научности, честности, а также и смелости г. Бюргера. Не правда-ли, как неизмеримо глубоко оценивает он умственное развитие тех «мыслящих рабочих», к которым он обращается с своей брошюрой, осмеливаясь выступать с подобного рода доказательствами?

Но есть ли в этом что-нибудь новое? Разве не всем и каждому известно, что в Англии и Америке заработная плата выше, чем в Германии? Этот факт что-нибудь говорил бы против социал-демократии лишь в том случае, если бы наблюдаемая разница в заработных платах явилась с того момента, когда в Германии образовалась социал-демократия. Однако, также хорошо известно, и г. Бюргер должен это отлично знать, что такая разница в заработных платах существовала еще задолго до появления социал-демократии; и если, несмотря на это, он все же хочет навязать это обстоятельство социал-демократии, то из всех многочисленных неуклюжих подтасовок нашего статистического шуллера это, пожалуй, самая неуклюжая.

Так как в Англии и Америке заработная плата была выше, чем в Германии, еще в то время, когда о социал-демократии не было и помину, то названная разница между здешней и тамошней заработной платой должна основываться на совершенно иных причинах. И эти причины ясны, как день. Их следует искать в том, что Германия в экономическом и политическом отношении находилась в упадке в период от XVII ст. до начала XIX стол.,—тогда как Англия как раз в это время и в том и в другом отношении находилась в исключительно благоприятных условиях; рабочий Америки был свободен от всего того гнета, который налагала на него княжеская, поповская, феодальная и капиталистическая эксплоатация. Подъем Англии находился отчасти в непосредственной связи с теми изменениями, которые произошли под влиянием открытия Америки и морского пути в Ост-Индию, отчасти же определяется политическим ходом ее развития.—Религиозная борьба и тридцатилетняя война разорили Германию. Эта борьба, в которой по внешнему виду дело шло о религии, была на самом деле борьбой мелких немецких князей против королевской власти,—борьбой, на которой основывалась раздробленность Германии и неограниченная власть мелких государей. В XVIII ст. разорение Германии продолжалось, благодаря непрерывной вражде между отдельными династиями,—а именно между Гогенцоллернами и Габсбургами,—но эта вражда уже не прикрывалась никакой религиозной мантией. Конец XVIII ст. соединил все враждовавшие между собою династии, когда перед ними встал вопрос о том, чтобы задушить новую французскую свободу. Но случилось иначе, чем этого ждали немецкие государи,—они были изгнаны из Франции, и с этого времени открыли ряд новых войн, ареной для которых служила, главным образом, опять-таки Германия.

Все бедствия и экономический упадок, являвшиеся результатом вечных войн немецких князей, еще в большей степени увеличивались для рабочих полнейшим отсутствием свободы передвижения, что было непосредственно связано с княжеским абсолютизмом и продолжалось вплоть до начала 60-х годов. Отсутствие всякой политической свободы и прав—вот что, на ряду с экономическим упадком Германии, положило такую

глубокую разницу между немецким рабочим и рабочим английским и американским.

Американский рабочий не только не испытывал на себе феодального гнета, тяжести милитаризма и власти князей, он не только пользовался с самого начала полнейшей свободой передвижения, не только обладал всеми правами на ряду с другими классами,—но он не испытывал даже стеснений со стороны частной собственности на землю, потому что каждый находил для себя столько земли, сколько он мог обработать, и никто не был вынужден итти в наемные работники. Важнейшее средство производства — земля находилась в полном распоряжении всех.

Точно так же и английский народ, благодаря островному положению своей страны, не знал опустошений войн и связанного с ними чрезмерного гнета милитаризма и абсолютизма. С 1847 года ко всем преимуществам рабочего класса Англии присоединяется еще свобода торговли, которая обеспечивает ему дешевые средства существования. Вот где лежат причины и условия лучшего положения английских и американских рабочих.

Но кто стремится осуществить также и в Германии условия такого превосходства? Кто самым энергичным образом борется против милитаризма? Кто выступает против высоких пошлин? Кто защищает свободу коалиции и всеобщее избирательное право? Кто стремится подчинить государственную власть народу?

— Социал-демократия.

А кто самым энергичным образом поддерживает и защищает все те средства, благодаря которым трудящийся народ Германии подавлялся и подавляется Англией и Америкой?— Покровители г. Бюргера, центральный союз германских промышленников.

Если рабочий Германии в настоящее время занимает худшее положение, чем в Америке и Англии, то этим он обязан тем партиям и тем общественным и политическим силам, которые стоят в самом резком противоречии с социал-демократией.

Настолько же изменилось положение столь глубоко при-

ниженного немецкого рабочего в сравнении с английским и американским рабочим с тех пор, как немецкая социал-демократия начала оказывать свое влияние на политическую и экономическую жизнь?

На этот вопрос Бюргер должен был ответить, если он действительно держался того мнения, что в различии заработной платы выразилась деятельность социал-демократии, и если он честно стремился к тому, чтобы выяснить ее значение.

Конечно, ответить на этот вопрос не легко при всей ненадежности статистических данных, охватывающих крупные области и большие промежутки времени,—но все же мы имеем некоторые основания для характеристики того направления, которое приняло развитие заработной платы в каждой из названных стран.

Бюргер торжествующе указывает на то, что рабочий для удовлетворения своих жизненных потребностей должен работать в Англии 209 дней, в Северной Америке—225, а в Германии—240. Несмотря на самые старательные поиски в берлинских и лондонских библиотеках, нам все же не удалось найти той книги, на которую ссылается Бюргер, не приводя, однако, ее названия. Поэтому, мы не знаем, достаточно ли верно он передает эти цифры, каким образом они были получены, и даже существуют ли вообще эти цифры и та самая книга, на которую Бюргер ссылается; но предположим, что приводимые им данные верны. В таком случае истинная заработная плата, т.-е. количество средств существования, которые можно купить за денежную заработную плату, в настоящее время в Америке выше, чем в Германии, на неполных 7%.

По вопросу о размерах денежной и истинной (реальной) заработной платы за 1880 год в Америке появилась статистическая работа (в 1886 году); данные этой работы проф. Шеффле сравнил с данными германской статистики и пришел к выводу, что денежная заработная плата в Америке в три раза выше, чем в Германии; истинная же заработная плата, по всей вероятности, в два раза выше. А г. Бюргер рассчитывает выставить свой самый сильный козырь против социал-демократии, приводя данные, согласно которым истинная

заработная плата в Америке выше, чем в Германии,—подумать только,—на целых семь процентов. Если это действительно верно, тогда заработная плата в Германии, где так сильна социал-демократия, повысилась гораздо быстрее, чем в Америке, в которой влияние социал-демократии еще незначительно.

Нельзя пользоваться ни данными Шеффле, ни данными Райта (Wrighot) в их буквальном значении; подобные расчеты всегда сопровождаются массой ошибок. Однако, все факты указывают на то, что развитие в жизненном уровне американских и немецких рабочих, которое было так сильно еще несколько десятков лет тому назад, все больше и больше исчезает. То же самое относится и к сопоставлению английского рабочего с немецким. Под руководством социал-демократии этот последний все больше и больше избавляется от своей отсталости, в которую он был поставлен экономическим упадком, войной и кабалой.

К сожалению, существуют лишь отдельные факты, указывающие на это. Статистических же данных о заработной плате, касающихся всей Германии и охватывающих более продолжительный промежуток времени, мы не имеем. Данные о страховании от несчастных случаев недостаточно надежны. Но так как большинство ошибок в них постоянно повторяется, то эти данные, хотя бы до известной степени, все же отражают действительное движение заработной платы.

Весьма характерно, что за последнее десятилетие средний уровень заработной платы в Англии (как мы это видели выше) и Америке отличался значительной устойчивостью, а в Америке обнаруживал даже тенденцию к понижению; здесь заработная плата достигала в 1889/90 году 1780 марок, а в 1899—900 году понизилась до 1750 марок; наоборот, в Германии заработная плата промышленных рабочих возрасла в среднем с 648 марок (1890 г.) до 779 марок (1900 г.), т.-е. на 20%. Как бы ни была ненадежна эта цифра, все ж она показывает решительное повышение.

Несмотря на то, что пролетариат в Германии испытывает гораздо больше стеснений со стороны закона, и что городской пролетариат гораздо в большей степени чувствует на

себе всю тяжесть постоянного прилива отсталых слоев деревенского населения в городах,—чем пролетариат Англии, где нет больше крестьян, и чем пролетариать Америки, где увеличивающееся деревенское население может еще находить необработанные земли,—несмотря на это, условия заработной платы немецкого рабочего развиваются за последнее десятилетие значительно более благоприятно, чем в Англии и Америке. Следовательно, там, где социал-демократия является наиболее сильной,—наиболее сильно повышается и заработная плата.

Если мы станем измерять влияние социал-демократии с масштабом Бюргера в руках, то и в этом случае все данные говорят в ее пользу,—но при этом, разумеется, необходимо принимать во внимание не ту разницу в заработных платах, которая создалась в течение двух столетий, предшествовавших появлению социал-демократии, а степень ее повышения с того времени, как социал-демократия стала оказывать свое влияние.

И это весьма понятно, если мы припомним, что составляет сущность социал-демократии.—Оружие, которое находится в руках пролетариата в его борьбе с капиталом, во всех культурных странах одно и то же, и пролетариат применяет его всюду, существует ли там социал-демократия, или нет. Всюду он основывает профессиональные союзы, производительные и потребительные товарищества, принимает участие в выборах, посылая защитников своих интересов в законодательные учреждения и коммунальные представительства. Но этого рода деятельность развивается иным путем там, где социал-демократия глубоко коренится в рабочем классе, чем там, где она лишена всякого влияния. В последних странах пролетариат дробит свои силы, пользуясь каждым из этих орудий борьбы без взаимной связи между ними. Член профессионального союза, участник товарищества, политик, гласный—все они думают каждый в отдельности лишь о своей ограниченной области, никогда не действуют вместе и считаются лишь с тем, что является ближайшей задачей. Вся политика, вся общественная жизнь, лежащая за пределами непосредственных, узких интересов рабочих, предоста-

вляется имущим классам, которые держат в своих руках весь государственный механизм и являются неограниченными господами над мыслями и чувствами всего народа, включая сюда и рабочих и потому могут легко справиться со всякими случайными попытками сопротивления со стороны отдельных рабочих слоев.

Совершенно иначе дело обстоит там, где социал-демократия пользуется влиянием на пролетариат. Она дает ему сознание той внутренней связи, которая существует в обществе. Инстинктивные попытки пролетариата к сопротивлению она превращает в планомерную борьбу; раздробленные силы сплачивает в единую армию, где всякий род оружия ведет борьбу на свой лад, поддерживая других и стремясь к одной с ними цели. Она показывает пролетариям связь их узких интересов с широкими общественными и политическими отношениями, учит их понимать эти отношения и приобретать власть над ними, делает их независимыми—в прессе, парламентах, в их международных отношениях—от опеки со стороны имущих классов. Так противопоставляет она буржуазии, которая господствует над государственной властью и общественным мнением, — свое собственное общественное мнение и свою собственную партию, благодаря которой всякая сколько нибудь значительная борьба отдельного пролетарского строя за улучшение своего положения превращается в дело всего рабочего класса нации и даже всех наций.

Как стройная, хорошо дисциплинированная и хорошо вооруженная армия,—находящаяся под предводительством генерального штаба, знакомого со всею военной историей, в подробностях знающего поле битвы, свои и вражеские силы и умеющего начать наступление в нужный момент, — далеко превосходит какое-нибудь ополчение, которое выступает против вторгающегося врага с наскоро собранным оружием, где каждый отряд борется только за себя, ограничиваясь защитой своей родины, и тотчас же складывает оружие, как только ему удастся отразить нападение на защищаемую им маленькую область, — так пролетариат, благодаря социал-демократии организованный, дисциплинированный, просвещенный и стоящий во всеоружии политической и экономической борьбы,—

далеко превосходит тот пролетариат, который лишен этого источника просвещения и планомерного объединения его сил.

Это отлично поняли наиболее хитрые из противников рабочего класса, прежде всего в Англии. — Они отказываются от насильственного подавления рабочих различными политическими средствами, результатом которых является то, что рабочие массами переходят на сторону социал-демократии. Напротив, они выступают перед рабочими под маской дружественного расположения к ним, стараются оклеветать социал-демократию и уверить рабочих, что большая часть буржуазии ничего так страстно не желает, как только придти к ним на помощь. Они бредят профессиональными союзами, товариществами, даже выборами «благонадежных» рабочих в народное представительство, уверяют всеми клятвами, как охотно они содействовали бы всему этому, а тем самым—и возвышению рабочего класса, если бы только не было социал-демократии, проповедующей классовую борьбу и сеющей вражду.

Этими-то льстивыми речами, которые теперь ведет наш друг рабочих и истины г. Бюргер, и дали себя одурачить рабочие Англии и Америки. Результаты этого мы уже видели. Теперь понятно, из каких оснований исходил центральный союз промышленников, натравливая Бюргера на социал-демократию. Если бы ему удалось подорвать среди рабочего класса доверие к социал-демократии, то, ведь, это значило бы не что иное, как понижение заработной платы и увеличение зависимости рабочего. Но если с самого начала социал-демократия оказывала благотворное влияние на трудящийся народ, то в настоящее время он нуждается в ней еще больше, чем раньше. Мы видели, что именно благодаря влиянию социал-демократии удалось до известной степени уменьшить нищету. Однако, все завоевания рабочего класса вновь становятся ненадежными, благодаря развитию, переживаемому за последнее время.

Кризис угрожает нам принять более тяжелые, если не самые тяжелые формы, какие только мы знали до сих пор. Требования, предъявляемые к рабочим организациям, в высшей степени напряжены: неорганизованные рабочие сильно подав-

ляются. Однако, падение заработной платы на этот раз не сопровождается падением цен, так как во многих и как раз в самых важных отраслях промышленности падению цен противодействуют картели. Тем не менее, крупным монополистам промышленности оказывается недостаточной их экономическая власть над рабочими и потребителями; все больше и больше они становятся также господами правительства и даже парламента и, таким образом, эксплоатируя в свою пользу государственную власть, они усиливают свое экономическое превосходство до невыносимых пределов. К ним присоединяются земельные монополисты — крупные землевладельцы; они чувствуют постоянную угрозу своей экономической монополии в Европе, благодаря развитию путей сообщения, и потому стараются теперь поддержать свои монополии при помощи законодательства.

Повышение пошлин есть политическое выступление соединенных монополистов промышленности и землевладения, но оно является лишь прологом к дальнейшей борьбе. Ведь, никакое повышение пошлин не может удовлетворить землевладельцев на продолжительное время, потому что, как бы оно ни было велико, оно скоро становится недействительным, благодаря возрастанию цен на земли. Алчность монополистов не знает пределов. Но сверх того повышение пошлин неизбежно влечет за собою такую дороговизну, такое стремление к повышению заработной платы и такую таможенную войну с заграницей, что обострение всех социальных и национальных противоречий становится неизбежным.

Но чем больше монополисты и их пособники натыкаются на сопротивление в народе, тем безграничнее становится их ярость,— и, таким образом, они уже доходят до того, что грозят растоптать все политические права и свободы немецкого народа и тем уничтожить всякие границы своему производству.

Итак, все больше растут силы, угрожающие трудящемуся народу, труднее становится борьба, которую ему приходится вести. Тем настоятельнее необходимо, чтобы народ собрал все свои силы и сделался господином своего противника; чтобы он дружно становился под красное знамя социал-демократии, которое вело его до сих пор от победы к победе.

Присоединиться к социал-демократии, подавать свой голос за социал-демократию на выборах—таков в настоящее время больше, чем когда либо, долг всякого пролетария, который хочет достигнуть более высокого положения для своего класса, обеспечить достойное существование своим детям; таков долг всякого мыслящего человека, для которого благо всего человечества не чуждо.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие А. Мартынова 3
Предисловие к русскому изданию И. Ленина 6
Введение 8

I. Падение мелкого производства.

а) Ход развития идей социал-демократической программы . . 12
б) Статистика предприятий в промышленности 18
в) Статистика предприятий в торговле и обращении 22
г) Сельскохозяйственная статистика 26
д) Новое среднее сословие 30

II. Обнищание.

а) Социалистическое учение 35
б) Повышение заработной платы 41
в) Повышение физического и нравственного уровня народа . . 56
г) Женский и детский труд 68
д) Безработица 72

III. Какую пользу приносит социал-демократия народу 83

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Люксембург, Р. Письма к Карлу и Луизе Каутским.—1 р. 50 к.

„ Реформа или революция.—30 к.

„ Коалиционная политика или классовая борьба.—70.

„ Кризис социал-демократии.

Маркс, К. Наемный труд и капитал (под ред. Каутского. Перев. Степанова). 1 изд.—10 к. (раз.). 2 изд. (печатается).

„ Классовая борьба во Франции 1848—1850 гг.—40 к.

„ Гражд. война во Франции 1871 г.—20 к.

„ Заработная плата, цена и прибыль.—25 к.

Маркс перед судом присяжных в Кельне. С пред. Ф. Энгельса. 1 изд.—14 к. (раз.). 2 изд.—40 к.

Мартынов, А. Распад капиталистической Европы и Коминтерн.

Меринг, Ф. Милиция и постоян. войско.—20 к.

„ Об историческом материализме. 1 изд.—15 к. (разошл.).—2 изд.—40 к.

Наумов. Введение в изучение экономической науки.—1 р. 50 к.

Павлович, М. Империализм 1 изд.—60 к. (раз.). Печ. 2 изд.

Памяти Карла Маркса. Сборник.—85 к.

Плеханов, Г. В Амстердаме (статьи из „Искры“).—15 к.

Петровский, Д. Капитализм и социализм (от Моора до наших дней). 2 изд.—40 к. (раз.). Печ. 3 изд.

Поль, В. Коммунизм и общество (разошлось).—40 к.

Поль Луи. История социалистических партий во Франции 17 к. (разошлась).

Степанов, И. Парижская коммуна 1871 г. С иллюстрациями.—80 к.

Сафаров. Г. Национальный вопрос и пролетариат.—1 р. 10 коп.

Троцкий, Л. Литература и революция—2 р.

„ Вопросы быта. 1 изд.—50 к. (разошлась). 2 изд.—75 к.

„ Задачи коммунистического воспитания.—10 к. (разошл.).

Цеткин, К. Борьба компартии против войны и воен. опасности. 20 к. (разошл.).

„ Р. Люксембург и русская революция.—75 к.

„ Наступления фашизма и задачи пролетариата.—20 к.

Энгельс, Ф. Политическое завещание (из неопубликов. писем), 2-е изд.—16 к.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦЕВ.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГ. СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Мясницкая, Юшков пер., 1.

ПЕТРОГРАД, отделение Изд-ва, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“— пл. Свердлова, 2-й дом Советов

2. Сретенка, д. № 8.

В ПЕТРОГРАДЕ: Проспект 25 Октября (б. Невский), 66. Книжный маг. Изд-ва „Красная Новь“ (быв. магазин Коминтерна).